

І І І І І І І І

№ 2 (3), ОСЕНЬ 2024

Г С С С С С С С

**САМОБЫТНОСТЬ
НАШ КЛЮЧ К БУДУЩЕМУ**

Друзья, светите – и да не угаснет ваш свет

Рецензия

**Председателя Историко-просветительского общества «Радетель»,
доктора исторических наук, профессора,
Сергея Викторовича Алексеева**

Прежде всего хотелось бы поздравить альманах «Гамаюн» с годовщиной существования. Это важный пройденный рубеж. Если первый выпуск можно было назвать достойным начинанием, а второй — доказательством состоятельности проекта, то третий — уже свидетельство нормальной, регулярной жизни этого теперь уже вполне взрослого издания. Работа над структурой и принципами его, конечно, еще будет продолжаться, и какие-то вещи естественным образом преобразятся со временем. Но лицо у альманаха есть, и образ его устоялся.

В редакторском предисловии темой номера названа самобытность. Понимать это можно и нужно на самых разных уровнях — и как внимание к самобытности отечественных ценностей и культуры, и как самобытность каждого человека, включая и авторов собранных в альманахе работ. Каждая индивидуальность со своими интересами, мировоззрением, чаяниями создает то «многообразие в единстве», о котором сказано в предисловии. Действительно, и научные работы, помещенные в альманахе, очень разнообразны по тематике, и художественные тексты в стихах и в прозе отражают очень разные творческие и личные устремления. Однако есть то, что объединяет их все, — талант, увлеченность, готовность и желание делиться друг с другом и с миром своими знаниями и вдохновением.

Алексей Иванов, главный редактор

Буквально недавно наш альманах отпраздновал небольшую, но очень важную дату – 27 октября «Гамаюну» исполнился один год! За это время мы успели выпустить два полноценных, необычных, в каком-то смысле, уникальных номера. Можно смело сказать, что это хорошее начало. Сегодня выходит 3 номер, за плечами много ошибок, много новых знакомств, интересных историй, но с уверенностью можно сказать, что это только начало.

Альманах стремительно развивается. За это время у нас успели опубликоваться самые разные студенты на самые разные темы. Сегодня мы по традиции также приветствуем не только студентов Московского государственного института культура, но и нашего нового друга из РАНХиГС, который решил опубликовать своё произведение.

Если в начале мы были только студенческим альманахом, то в этом номере мы публикуем интервью с преподавателем МГИКа, который не по наслышке знает, чем живёт студенческое сообщество и по каким направлениям оно развивается.

Тема же нашего номера – самобытность. У нас часто спрашивают: какая тема у вашего номера альманаха? А что студенты публикуют на эту тему?

Если раньше мы не до конца понимали концепцию: что мы делаем? Для чего делаем? Какая цель? То сейчас мы можем дать ответ: наша цель показать многообразие культуры России, показать, что мы можем дать себе, обществу и миру

что-то новое, не только пользоваться достижениями наших предшественников, но и дать этому миру изюминку, которой раньше не было. Наша сила в многообразии, а наше многообразие в единстве – вот ключ к нашей самобытности, симбиоз двух вещей, дающий безграничный простор для самореализации и превнесения в мир чего-то ранее небывалого.

Будущее принадлежит молодёжи – это так. Но именно от нас зависит, каким будет наше будущее. Если мы хотим сохранить свою самобытность, если мы не хотим стать частью истории и про нас говорили: «На этой территории раньше было Русское государство», тогда мы должны прикладывать все наши мысли, все наши силы и устремления на то, чтобы было хорошо не только у нас, но и вокруг нас, а это по силам каждому.

Наши ценности в том числе формируют нас, формируют общество вокруг. С учётом глобальных изменений, мы должны бороться за первенство, бороться за лучшую жизнь и процветание. Жизнь, права и свободы, высокие нравственные идеалы, взаимопомощь и взаимоуважение – вот те ориентиры, которые являются путеводными в нашей борьбе.

Будущее принадлежит нам, но никто не говорил, что нам его просто так отдадут. Однако за теми людьми, которые здесь публикуется, я не сомневаюсь, последует будущее, поэтому:

Друзья, светите – и да не угаснет ваш свет!

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. НАУЧНИК

«К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА

ИВАНОВА С. *ВЛАДИМИРОВИЧА МАЯКОВСКОГО».....7*

КОШКИ И ИСКУССТВО.....12

ХРИСТОВА Н., МГИК

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ

ИВАНОВ А., МГИК *АРХИВНОГО ДЕЛА В РОССИИ 1920-Х ГГ.....22*

СЛОВО СТАТИСТИКЕ.....30

СЛОВО ЭКСПЕРТУ.....36

РАЗДЕЛ 2. ПОЭТИКА

«ПОДАРИ МНЕ...».....45

ВАНИНА ТАМАРА, МГИК

46.....«ВСЁ СИМВОЛИЧНО В ЭТОЙ ЖИЗНИ»

ВАНИНА ТАМАРА, МГИК

«ПОД СВЕТОМ УЛЫБОК...».....48

КАРНУП ЛИДИЯ, МГИК

51.....«ВОЗМОЖНО, ЖИЗНЬ НА ВКУС...»

КАРНУП ЛИДИЯ, МГИК

«ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ

МИНУТЫ ПУТИ».....52

ЭЛЕМЕНТОВ ДМИТРИЙ, МГИК

«БЕСПОКОЙНО НА ПЫЛЬНОЙ

КВАРТИРЕ...».....54

ФЁДОР ЛЯГУШКИН

«В ЛЕСУ ДРЕМУЧЕМ,

МЁРТВОЙ ТИШИНОЙ...».....55

ФЁДОР ЛЯГУШКИН

КНИЖНЫЙ КЛУБ БОБЫ

— — — — —
страница 56

РАЗДЕЛ 4. ПРОЗАИК

«МОЙ ВНУТРЕННИЙ ДОМ».....61

ТАМАРА ВАНИНА, МГИК

64.....«ОДИН ДЕНЬ ЦУОКИ ЧАННЕРИ»

ИВАН ИЛЬИН, РАНХУГС

«ВЕЧНЫЙ».....80

АЛЕКСАНДРА ТРЕТЬЯКОВА, МГИК

82.....«ВЛАСТЬ ИМЁН»

АЛЕКСАНДРА ТРЕТЬЯКОВА, МГИК

«ГРАНИЦА».....84

АЛЕКСАНДРА ТРЕТЬЯКОВА, МГИК

85.....«ДЖИММИ»

АЛЕКСАНДРА ТРЕТЬЯКОВА, МГИК

«КОГДА-ТО».....86

АЛЕКСАНДРА ТРЕТЬЯКОВА, МГИК

87.....«МЕЧТА»

АЛЕКСАНДРА ТРЕТЬЯКОВА, МГИК

88.....«ПРОСТИ»

ЕВДОКИЯ ДОРОХИНА РЫБЧАК, МГИК

«ПЕЩЕРА ВРЕМЕНИ». ПРОЛОГ.....98

АРАМИС АЛИМОВ, МГИК

Наш канал в Telegram

Наша группа ВКонтакте

НАУЧНИК

Ученые исследуют природу и общество, стремясь
понять законы, управляющие миром. Их работа
основана на наблюдении, эксперименте и логическом
анализе. Они стремятся к истине, несмотря на
сложности и трудности. Ученые играют ключевую
роль в развитии цивилизации, открывая новые
технологии и расширяя границы человеческого
знания. Их вклад в науку и культуру
неоспорим. Ученые – это те, кто
постоянно ищет ответы на вопросы, которые
мы задаем себе. Они являются двигателями
прогресса и источником вдохновения для
будущих поколений.

«К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА МАЯКОВСКОГО»

Иванова Серафима,
культуролог

Маяковский Владимир Владимирович родился в грузинском селе Багдати 19 июля 1893 года в обедневшей дворянской семье. С юного возраста он погрузился в революционную идеологию, участвовал в демонстрациях на улицах, читал агитационные брошюры. А уже в 1908 году Владимир Маяковский вступил в РСДРП и начал пропагандировать идеи партии. Это очень сильно повлияло на дальнейшую жизнь поэта, так как за годы его пребывания в партии он не единожды подвергался аресту, в результате чего был заключен в Бутырской тюрьме на 11 месяцев. И именно в это время Маяковский начал писать стихи. Однако сам поэт относился к ним очень критично, не видел в строках чего-то нового и отличного от классики.

«В золото, в пурпур леса одевались,
Солнце играло на главах церквей.
Ждал я: но в месяцах дни потерялись,
Сотни томительных дней»

Владимир Маяковский мечтал о другом стиле, о новом искусстве, которое заставит по-другому взглянуть на эстетику, что видно по его стихотворению «А вы могли бы?» (1913) [4, С. 4]. Впоследствии он выработает собственный почерк: пренебрежительные интонации, насмешливые выражения, фамильярность. Поэт использовал то, на что другие никогда не смотрели как на основу стихосложения, вплетал в повествование простые слова. Уже в 1911 году, поступив в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, Владимир знакомится с Давидом Бурлюком, с Велимиром Хлебниковым и Алексеем Крученых, а через них — с футуристическим направлением.

В период с 1915 по 1917 годы Маяковский проходит военную службу и пишет знаменитое «Облако в штанах». Произведение состоит из четырёх частей, где каждая из них отражает чувства и ценности В. В. Маяковского, его крик души, его катехизис: «Долой

вашу любовь!», «Долой ваше искусство!», «Долой ваш строй!», «Долой вашу религию!».

«Полночь, с ножом мечась,
догнала,
зарезала, —
вон его!

Упал двенадцатый час,
как с плахи голова казненного.

В стеклах дождинки серые
свылись,
гримасу громадили,
как будто воют химеры
Собора Парижской Богоматери.

...

Уже ничего простить нельзя.
Я выжег души, где нежность растили.
Это труднее, чем взять
тысячу тысяч Бастилий!»

Поэт восторженно принял Октябрьскую революцию, стал воспевать происходящее в своих произведениях: и если за пять предреволюционных лет им был написан один том стихов и прозы, то за двенадцать послереволюционных лет — одиннадцать томов. Владимир активно пропагандировал новую власть, ездил по городам и всему миру, представляя свое творчество (посетил Францию, США — на каждые его гастроли приходился цикл стихов, посвященный отдельной стране). Начинает работать Маяковский (создавать тексты, рисовать, координировать весь процесс) и в «Окнах РОСТА» [2, С. 3], главной целью которой была агитация. Он создает плакаты, которые, с одной стороны, являются призывом и рекламой, с другой — сатирой.

В статье «Революционный плакат» Владимир Владимирович писал: «Война и разру-

ха шли вместе. Печатный станок не справлялся с требованием на плакат. Даже если и справлялся, то безнадежно затягивал, терял агитационность». Так как Маяковский был политическим поэтом, любая, даже мелкая бытовая проблема, показывалась острой и живой, это видно по стихотворениям «Мама и убитый немцами вечер» (1914) [4, С. 5] и «Всем Титам и Власам РСФСР» (1923) [5, С. 2].

РОСТА № 521. «1) В старой царской армии были солдаты пролетарии...». Плакат. Оригинал. Художник А. С. Левин [1, С. 1].

Так, агитация за гигиену приравнивалась к борьбе с «белыми» или же к борьбе с голодом и войной в Польше. Важное место в «Окнах РОСТА» в первой половине 1921 года занимает разъяснение декретов советской власти: о свободной торговле, о кооперации, об урегулировании зарплаты, о правилах пользования транспортом, о почтовой связи и т. п. Однако, чем больше проходит времени после революции, тем дальше идет протест героя Маяковского против буржуа. Все более острым и социально осмысленным становится взгляд на действительность. Поэт переходит к критике мещан-нэпманов, чиновников, которые вступали в партию только ради благ, которые дает партбилет. При этом, Владимир Владимирович выражает в сатире все пороки, которые не дают государству процветать, подчеркивая «заслуги» как всего общества, так и отдельных личностей, и политических институтов. В стихотворении «За что боролись?» он пишет:

«Вы — владыки
их душ и тела,
с вашей воли
встречают восход.
Это —
очень плевое дело,
если б
революция захотела
со счетов особых отделов
эту мелочь
списать в расход.
Но рядясь
в любезность наносную,
мы —
взамен забытой Чеки
кормим дыней и ананасною,
ихних жен
одеваем в чулки».

Из-за подобной критики государства и власти, началось отрицание заслуг Маяковского, его больше не воспринимали как пролетарского писателя, обвиняли в индивидуализме и анархическом бунте. В 1930 году его выставку «20 лет работы» все видные деятели культуры проигнорировали, ее не посетил практически никто. Изначально, Владимир Маяковский устраивал ее показать, что он, как «человек, которого вычищают из органов советской власти» многое сделал для строительства государства и нового режима. Это был и отчет о проделанном, и своеобразный народный суд.

Владимир Маяковский написал множество стихотворений, которые были у людей на устах: «А вы могли бы?», «Послушайте!», «Стихи о Советском паспорте» и др. И сам он говорит от лица миллионов человек и обращается к самому мирозданию. Марина Цветаева справедливо назвала его первым в мире поэтом масс.

«Послушайте!
Ведь, если звезды
зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!» (1914)

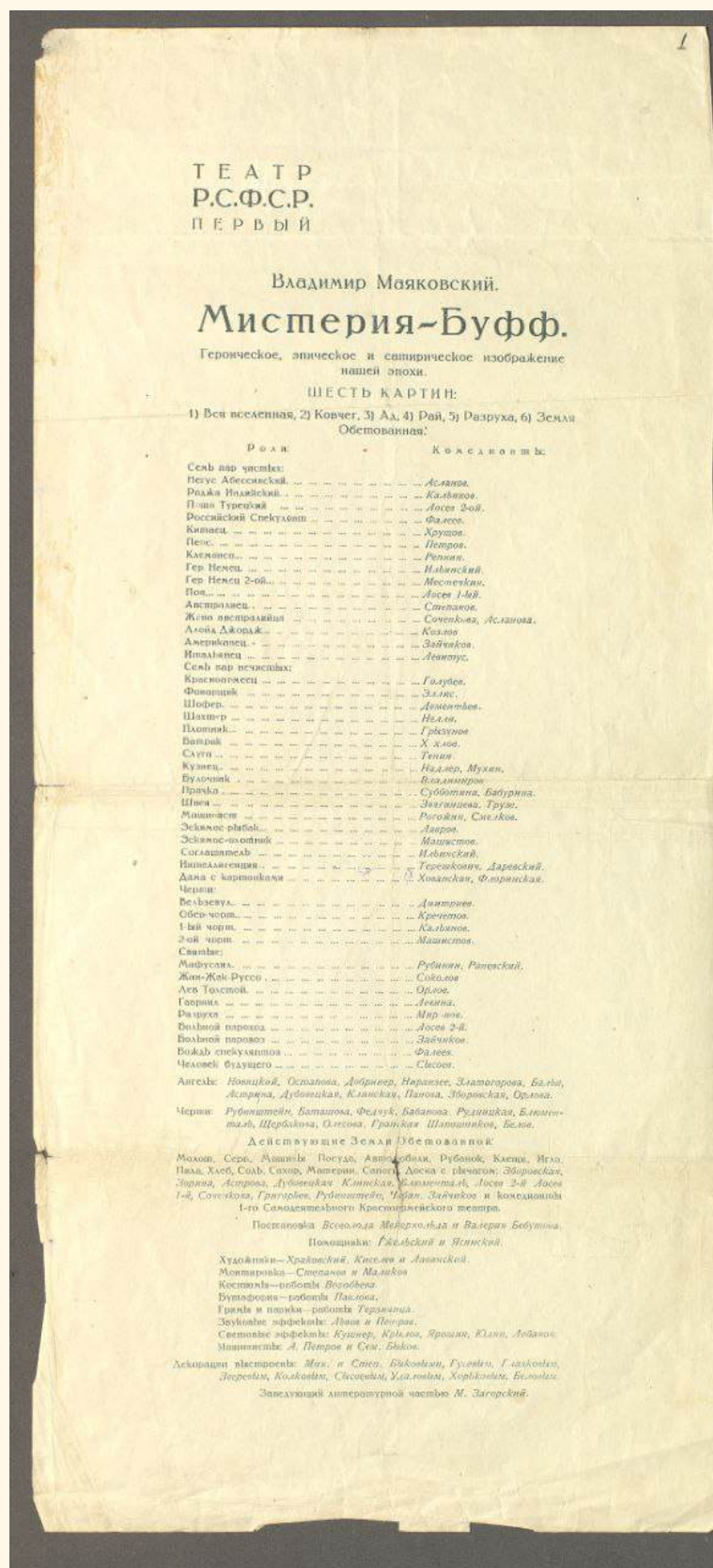
«Я
достаю
из широких штанин
дубликатом
бесценного груза.
Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин
Советского Союза» (1929) [7, С. 18]

Писал В. В. Маяковский не только идеологически наполненные стихотворения, в своих произведениях он писал о любви, о ее сущности, об отношении к супругам и многое другое.

«Любит? Не любит? Я руки ломаю...»
Уже второй должно быть ты легла
В ночи Млечпуть серебряной Окою
Я не спешу и молниями телеграмм
Мне незачем тебя будить и беспокоить
как говорят инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчете и не к чему
перечень взаимных болей бед и обид (1928-
1930)

Конечно, значительную роль в его любовных стихах играла Лиля Брик. Она была его музой и принимала активное участие в развитии творческой карьеры Маяковского, искала издателей, готовых выпускать его книги. В 1918 году Маяковский даже написал киносценарий к «Закованная фильмой», где они с Лилей сыграли главные роли. Ей он посвятил стихотворение «Лиличка!» (1916).

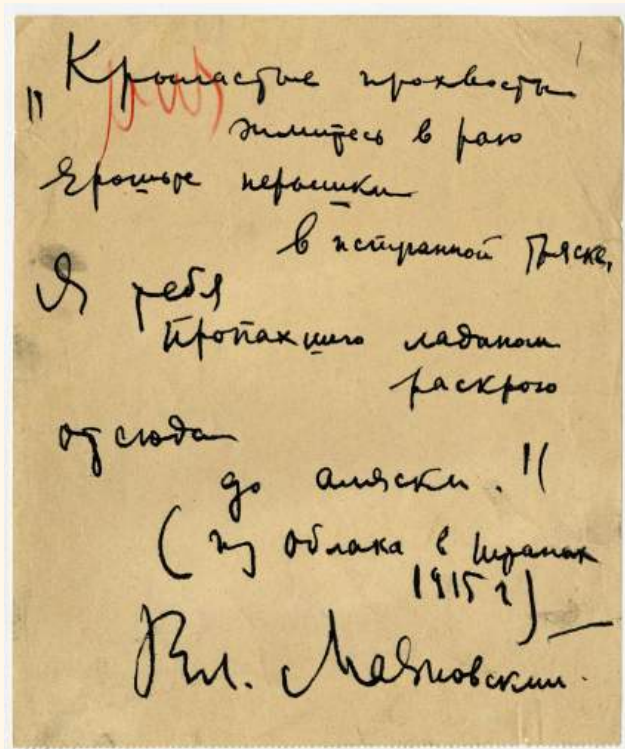
«Кроме любви твоей,

Афиша спектакля Коммунального театра Музыкальной драмы «Мистерия -буфф» [3, С. 1].

мне
 нету солнца,
 а я и не знаю, где ты и с кем.
 Если б так поэта измучила,
 он
 любимую на деньги б и славу выменял,
 а мне
 ни один не радостен звон,
 кроме звона твоего любимого имени.
 И в пролет не брошусь,
 и не выпью яда,
 и курок не смогу над виском нажать.
 Надо мною,
 кроме твоего взгляда,
 не властно лезвие ни одного ножа» [8, С. 6]

После знакомства, В. В. Маяковский и Лиля и Осип Брики быстро стали жить вместе. Они не смущались общественного неодобрения по этому поводу, на двери их квартиры висела табличка: «Брики. Маяковский». Владимир всем сердцем любил Лилю и лучшие его произведения пришлось на время их романа. Она была его смыслом жизни и вдохновительницей. Однако в 1922 году в их отношениях произошел кризис, чувства Лили стали утихать и они были вынуждены расстаться на два месяца. Все это время поэт сильно переживал и отправлял ей подарки.

В.В. Маяковский. «Облако в штанах». Поэма. Отрывок из 4-ой части. [«Крылатые прохвосты...»]. Приветствие 11 съезду безбожников [6, С. 1]

К 1930 году у Владимира Маяковского возникли проблемы в творчестве (постоянные обвинения со стороны власти, провал его пьес и спектаклей), в личной жизни (семья Брик уехали в путешествие и поэт был совершенно один), ухудшилось его здоровье. Все это привело к тому, что 14 апреля 1930 года он застрелился. Так закончил жизнь русский и советский поэт, драматург, киносценарист, кинорежиссёр, киноактёр, художник, лауреат премии Ленинского комсомола (1968 — посмертно), один из наиболее значимых русских поэтов XX века, классик советской литературы Владимир Владимирович Маяковский.

Список источников и литературы

1. РГАЛИ Ф. 336. Оп. 1. Ед. Хр. 227;
2. РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 1. Ед. Хр. 297;
3. РГАЛИ Ф. 336. Оп. 5. Ед. Хр. 17;
4. РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. Хр. 60;
5. РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. Хр. 64;
6. РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 8. Ед. Хр. 2;
7. РГАЛИ Ф. 2095 Оп. 7 Ед. Хр. 16;
8. РГАЛИ Ф. 2577 Оп. 1 Ед. Хр. 1096.

КОШКИ И ИСКУССТВО

Христова Наталья,
музеолог

У котов есть такое свойство: стоит или появиться в доме, как оказывается, что они были здесь всегда — даже если час назад никаких котов у вас не было.
Терри Пратчет «Кот без прикрас»

Кошки — одни из самых загадочных и обаятельных существ, сопровождавших человечество на протяжении тысячелетий. Их образы давно проникли в изобразительное искусство, занимая особое место среди других животных. От древнеегипетских скульптур и наскальных рисунков до работ современных художников, кошки символизировали как божественное, так и повседневное, отражая разные аспекты жизни и культуры. В этой статье мы проследим, как кошки меняли свою роль в искусстве разных эпох и как художники передавали их красоту, грацию и независимость через века.

Кошачьи не часто изображаются в темном искусстве эпохи палеолита: известны лишь изображения в пещере Шове и в пещере Ласко. Символизм кошачьих в палеолитической живописи остаётся неясным, но их изображение, возможно, служило предупреждением о хищниках: нередко мы видим, как на наскальных рисунках в зверей летят людские стрелы и копья, однако семейство кошачьих изображено без участия людей.

Наскальная живопись в пещере Шове на юге Франции считается одной из древнейших в Европе. Радиоуглеродная датировка показала, что люди обитали здесь в два периода: 33 500–37 000 и 31 000–28 000 лет назад [7]. В пещере более 1000 рисунков, из которых 420 изображают животных. Главная роспись пещеры длиной 12 метров на

левой стене Дальнего зала содержит множество изображений львов и носорогов, что делает её уникальной для палеолитического искусства. Львы показаны крадущимися к бизонам, и древний художник детально передал их движения и внешние особенности, включая даже вибриссы. Несмотря на опасность наблюдения за львиной охотой, художник мастерски запечатлел этих хищников.

Хотя кошек в современном понимании не изображали, пещерные львы и леопарды занимают важное место в искусстве Шове. Львы показаны в динамичных сценах охоты, а леопарды держатся обособленно, что указывает на их одиночный образ жизни [3].

Погружаясь уже в эпоху фараонов, нельзя не заметить, насколько важную роль играли кошки в жизни древних египтян: они защищали своих владельцев от змей и скорпионов, охотились на птиц и грызунов и просто были домашними любимцами. Примерно 4000 лет назад изображения этих животных начали появляться в египетском искусстве, иероглифике и на предметах роскоши, таких как ювелирные изделия. Девочек даже называли именем *miit*, что на египетском значило «кошка». При раскопках одной из гробниц того периода обнаружили 17 кошачьих скелетов, а рядом с ними — горшочки, предназначенные, по всей видимости, для молока [10].

Примерно 3,5 тысячи лет назад, во времена правления фараона Тутмоса III, кошки стали частыми персонажами украшений гробниц. Их изображали на изящных воротниках, ожерельях и серьгах, сидящими у блюд с едой или в позе у ног хозяйки. Иногда кошки даже появлялись на коленях хозяев или в семейных сценах, сопровождая их на охоте.

Львица, пещера Ласко

Следующие полторы тысячи лет стали золотой эпохой для египетских кошек. Примерно 3000 лет назад в дельте Нила расцвел город Бубастис, который стал центром культа богини Бастет[1]. Кошки, почитаемые как воплощения Бастет, жили при храмах, и к ним относились с уважением. Люди поклонялись богине, а кошка олицетворяла её на земле. Даже те кошки, которые не жили при храмах, пользовались особым статусом, поскольку принадлежали к священному роду. После смерти кошек хоронили с почестями на отдельных кладбищах, а их владельцы в знак траура сбивали брови[1].

Паломники, приходившие в Бубастис посвящали богине мумию кошки в надежде, что она услышит их молитвы. Эти мумии продавались жрецами храма, которые занимались разведением кошек[1]. Убийство же кошки считалось преступлением, достойным смертной казни. Одним из самых известных изображений кошки стал

известняковый саркофаг Та-миу – кошки принца Тутмоса (на сегодняшний день выставлен в Каирском музее). Корпус этого саркофага полностью украшен сценами, а крышка исписана иероглифами. На нем изображен кот, сидящий перед столом для подношений, заваленным вкусностями для загробной жизни. Похоже, что ее владелец, наследный принц Тутмос, хотел, чтобы она наслаждалась жизнью после смерти так же сильно, как при жизни она ценилась при дворе [5].

Со временем династии фараонов пали, и Египет оказался под властью Рима. Старая религия угасла, а с ней и культ Бастет, хотя кошки продолжали играть важную роль в обществе.

В Древнюю Грецию кошек завезли из Египта около V века до н. э., но они не пользовались такой популярностью, как на родине. Для охоты на грызунов греки предпочитали хорьков (по Плинию Старшему), а кошек воспринимали как экзотических животных, например, Геродот был удивлен количеству домашних кошек в Египте. Только в 350 г. до н.э. в трудах Палладия выдвигается теория о том, что можно использовать кошек для истребления кротов, хотя дальше он добавляет, что и хорьки могут выполнять эту задачу с тем же успехом [15].

В Древнем Риме кошки постепенно заменили хорьков в борьбе с грызунами и стали символом независимости, а также спутницами богини свободы Либертас.

Прорисовка композиции из Львиных залов, пещера Ласко

Сцена охоты, Гробница Небамона Египет

Саркофаг кошки принца Тутмоса
Та-миу. Каирский музей

Дикая кошка в зарослях папируса. Роспись из некрополя Бени-Хасан. Среднее царство, ок. 20 в. до н. э.

В Помпеях сохранились мозаики, на которых кошек изображают реалистично и трехмерно, в отличие от идеализированных египетских изображений. У римлян кошки не были божественными, а воспринимались как часть природы и полезные союзники[3].

Одна из самых известных мозаик в Помпеях - леопарда (хотя некоторые считают, что это кот). Точная передача пятнистого окраса и когтистых лап подчеркивает хищный характер зверя, однако выражение его морды не выглядит агрессивным. Скорее, животное готовится к прыжку за игрушкой, чем к нападению. Мозаика демонстрирует один из характерных приемов римского искусства — силуэт подчеркнут не только цветными кубиками, но и белыми элементами фона, выложенными вдоль контура. Объем тела животного и тени от лап мастерски передают реалистичность изображения.

В средние века кошки играли важную роль в повседневной жизни, особенно в городах и деревнях. Их главной задачей была защита домов от грызунов, таких как мыши и крысы, часто отображалось на иллюстрациях, где кошки изображались ловя-

щими мышей или крыс, что подчеркивало их значимость в быту[8]. Кроме того, их считали символами удачи и защитниками от злых духов, и поэтому их присутствие в доме считалось хорошим знаком.

В 1233 году Папа Римский Григорий IX издает послание *Vox in Rama*, направленное на еретиков в Германии, которые, согласно декрету, создали культы, поклоняющиеся дьяволу. В нем подробно описывается точный ритуал рассматриваемых культов, и упоминается использование кошек в ритуалах. И хотя нет никаких полных доказательств того, что именно из-за этого декрета черных кошек стали ассоциировать с дьявольскими силами, но из символов любви, плодородия, ловкости и свободы в Средневековье они в том числе стали олицетворением похоти, лени, обмана и предательства, а также воплощение порока.

Несмотря на это, кошки продолжали появляться в средневековом искусстве, особенно на полях рукописей. Там они изображались с человеческими чертами, играющими на инструментах. В бестиариях кошек изображали фантастически, иногда комично, часто в символической роли дьявола, играющего с судьбой человека. В

искусстве также были повседневные сцены с участием кошек, где их показывали играющими, отдыхающими или ухаживающими за собой, что подчеркивало их важную роль в домашней жизни, несмотря на религиозные предрассудки. В эпоху Возрождения изображение кошек встречается намного чаще, а символизм стал зависеть от контекста, так как кошка могла символизировать и предательство, так и материнство и защиту [3].

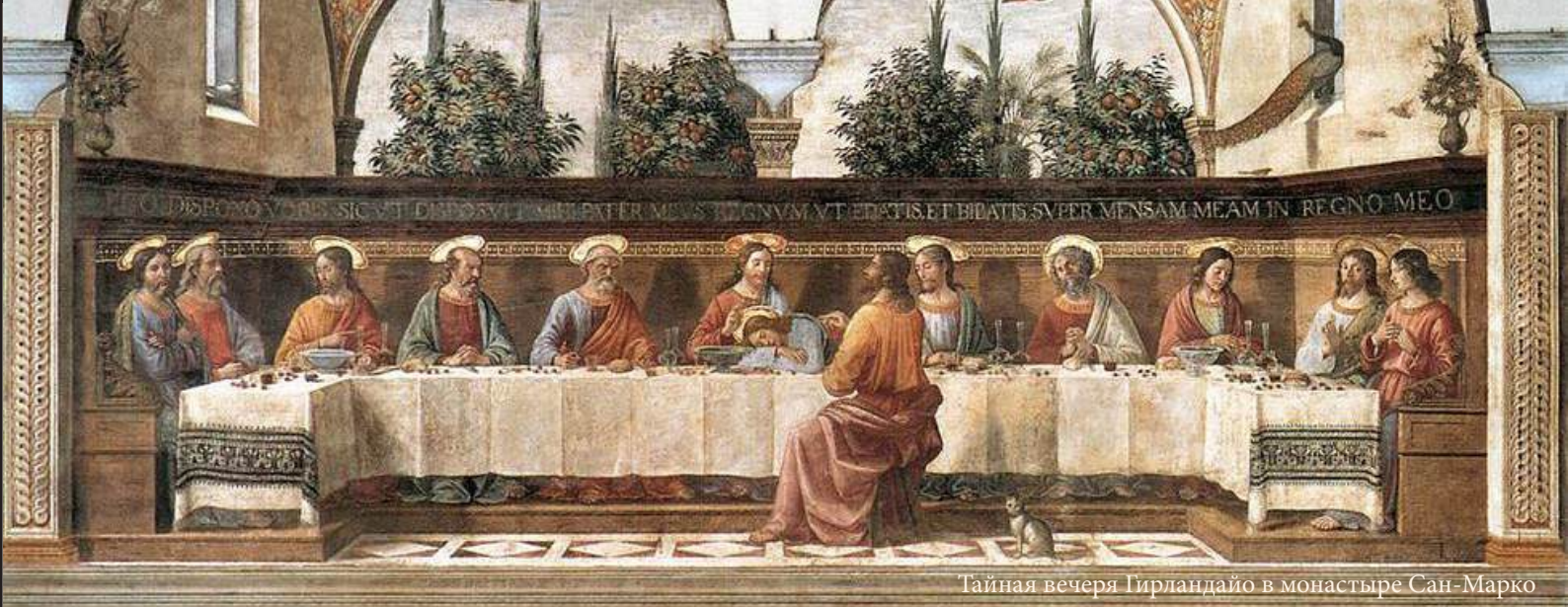
чу в Эдемском саду, где, казалось бы, не должно быть никакого насилия и смерти.

Ко второму смыслу относится в первую очередь сюжеты, связанные с Девой Марией: существует раннехристианская легенда, что, когда Иисус Христос родился, его обогрела и усыпила своим мурчанием кошка, чтобы тот не плакал. В благодарность Мария поместила на лбу животного первую букву своего имени [3]. Так кошка стала символом защиты и материнства и иногда стала изображаться на картинах с Девой и младенцем: офорт Рембрандта «Дева с младенцем и кошкой», «Мадонна с младенцем и кошкой» (утраченная или так и не написанная картина Леонардо да Винчи конца 70-х годов XV века, от которой остались наброски [2]), «Благовещение» Федерико Бароччи [9].

Кошку мы увидим и у Яна Ван Эйка на полотне «Рождение Иоанна Крестителя», однако животное выглядит напряженным возможно уже намекая на будущую мученическую смерть Иоанна Крестителя. Кошки были популярны у Леонардо да Винчи - знаменитый лист набросков кошек (или одной кошки в различных позах), который хранится в Виндзорской коллекции, является одним из последних, созданных Леонардо. По-видимому, он был сделан в Риме между 1513 и 1516 годами. Вазари пишет, что Леонардо «всегда держал» собак и кошек, а также лошадей и животные были частью его жизни [12].

К первому смыслу мы можем отнести фреску Доменико Гирландайо «Тайная вечеря», где рядом с Иудой сидит кот, как символ будущего предательства [3]. Кота, как злое предзнаменование, увидим в триптихе «Сад земных наслаждений» Иеронима Босха: кот держит в зубах добы-

Тайная вечеря Гирландайо в монастыре Сан-Марко

С начала XVII в. кошки становятся частью домашнего уюта и дополняют семейную идиллию, их изображают уже как полноценных спутников человека, коты присутствуют на голландских натюрмортах и портретах. В XVIII веке анимализм становится модным направлением и коты изображаются все чаще благодаря их грации и красоте, которая так привлекала художников. Смыслы образа кошки зачастую остаются, но постепенно уходят на второй план, уступая эстетике. Одна из известных картин «Любовники моей жены» художника-анималиста Карла Калера изображает сорок две кошки американской миллионерши Кейт Бердсолл Джонсон. Название картины предположительно придумано ее мужем, который сказал это в шутку.

В XIX в. живописцы уже не придерживались традиционной символики и решали скорее художественные задачи, а животные для них служили дополнительным средством для выражения эмоций, подчеркивая настроение или черты характера изображаемых персонажей.

Кошки становятся излюбленным образом импрессионистов. Эдуард Мане изображает кошку рядом со своей скандальной «Олимпией». Такое ощущение, что мы только что вошли в комнату Олимпии и застали врасплох некогда спящую кошку. Он прыгает, подняв свой гибкий хвост и выгнув спину, в следующее мгновение он, скорее всего, зашипит и убежит, раздра-

женный нашим присутствием. Изображение кошки является отсылкой на «Венеру Урбинскую» Тициана, которую Мане копировал за несколько лет до создания «Олимпии». Художник намеренно заменил щенка (во времена Тициана символ верности) на кошку, которая во времена

Федерико Бароччи «Благовещение»

Мане могла иметь эротический подтекст [6]. Однако у импрессионистов кошка была не только спутницей сексуальности,

но и уютны ленивым животным. Такой кошку изображал нас своих полотнах Пьер Огюст Ренуар, чьи картины наполнены светом и радостью. На картине «Девочка с кошкой» котенок жмурится от удовольствия на руках и словно мурлычет в знак благодарности своей хозяйке. «Материнство» - еще одна работа Ренуара, на которой он изображает свою жену, кормящей грудью, а рядом с ней сидит кошка. Это картина явно отсылает к работам с Девой и младенцем мастеров Возрождения.

Нежность и уют кошек мы также можем наблюдать на полотнах Поля Гогена: «Эйяха Охипа, или Таитяне в комнате», где кошка подчеркивает настроение расслабленности и безделья, натюрморт «Цветы и кошки». В XX веке коты уже не только участники жанровых сцен — отныне их изображение это беспримысленный маркетинговый ход, а творческое воображение художника наделяет их чертами человека и наоборот. Коты встречаются на полотнах у большинства громких имен XX века. Кошку, например, мы встретим на автопортрете с терновым ожерельем и колибри мексиканской художницы Фриды Кало, на котором кошка символ смерти и неудачи. «Отцом» кошачьего мира можно смело называть английского художника-иллюстратора Луиса Уильяма Уэйна. Его открытки

и иллюстрации с антропоморфными котами тиражировались миллионами, хотя сам художник не мог похвастаться богатством. Коты Уэйна музицировали, учились в школе, гуляли по улицам, носили костюмы и воплощали все, что было весело в эдвардианские времена[11].

После Первой Мировой войны состояние Луиса Уэйна значительно ухудшилось, начала прогрессировать болезнь (по разным версиям это могла быть шизофрения или синдром Аспергера). Иллюстратор был переведен в Бетлемскую клинику, где прожил последние годы, рисуя кошек из местного питомника. Пабло Пикассо неоднократно изображал этих животных на своих полотнах. Картина «Кот, ловящий птицу» на первый взгляд кажется простой, но на самом деле в ней скрыто множество символов.

Кот олицетворяет самого Пикассо. Его разноцветные глаза отражают взгляд художника: один открыт миру, другой скрыт для понимания. Беременность кошки символизирует зарождение идей, как часто бывает в искусстве. В деталях картины можно найти намеки на буквы, составляющие имя Пикассо: буква «А» в глазу, «Р» в ноздре и «О» в зрачке, макушка головы имеет форму С, а форма когтей напоми-

Карл Калер «Любовники моей жены»

нает S [4]. Мех кошки напоминает щетину кисти, а её хвост указывает на творческий процесс, как будто он сам становится кистью.

Ранее Пикассо изображал быка в «Гернике» с такой же символикой, как и здесь — хвост становится и инструментом, и частью картины. В конце концов, многие работы Пикассо представляют его размышления о процессе творчества, и «Кот, ловящий птицу» — это не исключение. Картина показывает единство разума, тела и природы в момент создания произведения, приглашая зрителей переосмыслить собственную реальность. Многие искусствоведы указывают на тему смерти и насилия, картина отражает настроение начала Второй мировой войны, а кошка олицетворение фашизма.

Еще одной знаменитой картиной Пикассо с изображением кошки является портрет «Доры Маар с кошкой», написанный в 1941 году. Это один из самых необычных портретов возлюбленной и музы Пабло Пикассо. Картина выполнена в абстрактных формах и отражает внутренние переживания художника по поводу намечающегося разрыва с любимой женщиной. На спинке кресла-трона, на котором восседает Дора, изображена маленькая черная кошечка.

Маар кошек не любила, но Пикассо изобразил кошку, как символ бурных отношений между ними, а также как отражение личности самой Доры.

Представитель авангардной живописи первой половины XX века швейцарско-немецкий художник Пауль Клее часто рисовал на холсте домашних животных. В 1928 г. Клее создал свою знаменитую картину «Кошка и птица». Сейчас работа хранится в Музее современного искусства Нью-Йорка. В этой картине кот является охотником. В центре полотна — песочно-жёлтая голова кота, на лбу которого Клее поместил маленькую розовую птичку, помеченную мишенью. Через несколько секунд она погибнет в пасти кота.

Большим любителем котов был и Энди Уорхолл, который в 1954 году (до того как он станет известным художником жанра поп-арт) создал свою книгу под названием «25 Cats Name Sam and One Blue Pussy» («25 котов по имени Сэм и одна голубая кошечка»), внутри которой было 19 акварельных литографий. Книга была создана для семьи и друзей тиражом 190 копий [16] .

Кошки на протяжении веков остаются важным элементом изобразительного искусства, меняя свою символику и значение

вместе с развитием культуры и общества. Художники всех времён находили в этих загадочных животных источник вдохновения, передавая их образы с особой выразительностью и вниманием к деталям. Кошки продолжают нас очаровывать, несмотря на то, что на них мы любим уже в интернете, а не в картинной галерее.

Список литературы:

1. Charlotte, Booth Cats and Crocodiles: Why Did Ancient Egyptians Worship Them? / Booth Charlotte. — Текст : электронный // HISTORYHIT : [сайт]. — URL: <https://www.historyhit.com/cats-and-crocodiles-why-did-ancient-egyptians-worship-them/>
2. Drawing. The Virgin and Christ Child with a cat. — Текст : электронный // The British Museum : [сайт]. — URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1856-0621-1
3. <https://deziiign.ru/project/3b69b97e4ac5435a9e175592bbca486d>
4. Picasso's Cat Catching a Bird (1939). — Текст : электронный // ЕРРН : [сайт]. — URL: https://www.everypainterpaintshimself.com/article/picassos_cat_catching_a_bird_1939
5. Sarcophagus of Prince Thutmose's Cat Ta Miu. — Текст : электронный // Egypt Museum : [сайт]. — URL: <https://egypt-museum.com/sarcophagus-of-cat-tamui/>
6. Schiffman, R. The Feline Companion in Manet's Olympia / R. Schiffman. — Текст : электронный // Art and Object : [сайт]. — URL: <https://www.artandobject.com/articles/discover-feline-companion-manets-olympia>
7. THE CHAUVET-PONT D'ARC CAVE. — Текст : электронный // Musée d'Archéologie nationale : [сайт]. — URL: <https://archeologie.culture.gouv.fr/chaudet/en>
8. Дюгурова, И. Семейство кошачьих в искусстве Средневековья / И. Дюгурова. — Текст : электронный // Creativecity : [сайт]. — URL: <https://creativecity.academy/project/09f7d935cdf04924b122659bf1f00979>
9. Лисицына, Е. Кошки Высокого и Позднего Возрождения / Е. Лисицына. // Друг. — 2008. — № 02. — С. 63-68.
10. Лосос, Д. Б. От саванны до дивана. Эволюционная история кошек / Д. Б. Лосос. — Москва : Альпина Паблишер, 2024. — 424 с.
11. Маслов, В. Луис Уэйн. Человек, который любил кошек / В. Маслов. — Текст : электронный // АртАрхив : [сайт]. — URL: https://artchive.ru/publications/4727~Luis_Uejn_Chelovek_kotoryj_ljubil_koshek
12. Николл, Ч. Леонардо да Винчи. Загадки гения / Ч. Николл. — Москва : КоЛибри, 2020. — 672 с.
13. Пещера Ласко и её «обитатели». — Текст : электронный // Магистерия : [сайт]. — URL: <https://magisteria.ru/prehistoric-art/lascaux>
14. Ржавитина А. А. КОТ КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД: ВАРИАТИВНОСТЬ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ОБРАЗА // Вестник ЧГАКИ. 2022. №3 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kot-kak-kulturnyy-kod-variativnost-representatsiy-obraza>
15. Роджерс, К. Кошка / К. Роджерс. — Москва : Юнайтед Пресс, 2011. — 236 с.
16. Popova, M. 25 Cats Name Sam and One Blue Pussy: Andy Warhol's Little-Known Collaborations with His Mother / M. Popova. — Текст : электронный // The Marginalian : [сайт]. — URL: <https://www.themarginalian.org/2014/10/29/25-cats-name-sam-and-one-blue-pussy-andy-warhol-mother/>

Коты Луиса Уэйна во время пребывания в псих. лечебнице

М.Н. Покровский. Репродукция. 1930 год. Номер в госкаталоге 35068120

Культурно-историческая роль архивного дела в России 1920-х гг.

Иванов Алексей,
архивист

20-е гг. XX в. стали определяющими для жизни советской России и её устройства на ближайшие десятилетия. Гражданская война, НЭП, внутрипартийная борьба и приход Сталина к власти в СССР – всё это, несомненно, оказало значительное влияние на все сферы жизни общества, определив дальнейший путь развития государства. Главной чертой того времени стало построение строгой идеологической линии, апогей которой будет виден в 30-е годы. Политизация, как процесс, также изменил существенным образом всю жизнь общества. Это коснулось и архивов. В сентябре 1920 г. была образована Коллегия Главархива, состоящая из пяти человек, которая запустила процесс реорганизации архивного дела в России.

В январе 1921 г. будет проведено переизбрание состава коллегии и уменьшение количества её членов до трёх. Повторно будут избраны М.Н. Покровский на должность председателя и В.В. Адоратский, новым членом станет Н.Н. Батурин, назначение которого носило формальный характер, так как Батурин большую часть времени посвящал Истпарту и газете «Правда». В связи с чем главными строителями новой системы архивного дела в центре и на местах стали Михаил Николаевич Покровский и Владимир Викторович Адоратский. Рассматривая политизацию архивов, невозможно не упомянуть о краткой биографии и политических воззрениях двух фактических руководителей архивного дела.

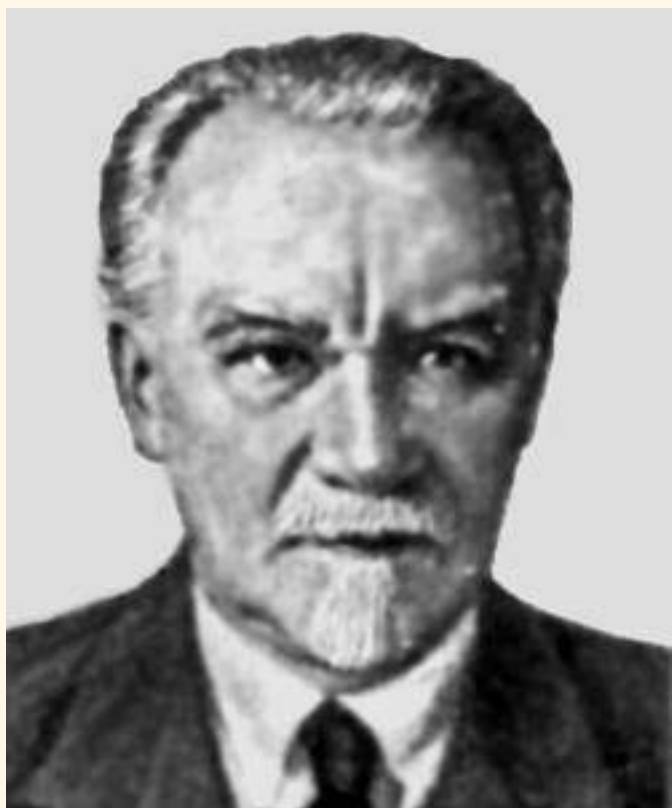
Более подробно необходимо остановиться на личности председателя Покровского, так как именно он стал ключевой фигурой в преобразованиях истории как науки и архивоведения в 20-е и 30-е гг. Михаил Николаевич Покровский был историком «московской школы». После окончания университета он должен был пойти на получение учёного звания, однако первая русская революция 1905-1907 гг. изменили планы историка. Михаил Николаевич присоединяется к большевикам из-за

чего через некоторое время ему приходится эмигрировать. После этого в эмиграции он принимает участие в V съезде РСДРП, пытаясь избраться в члены ЦК, но безуспешно, примерно в это время он заканчивает работу над «Русской историей с древнейших времен», которая показывала, как Россия от своего зарождения постепенно прокладывала путь к марксизму.

Проблемой его исторических работ являлось стремление не к построению истины, а нахождению и изложению фактов, соответствующих его идеологическим воззрениям. Кроме того, в октябре 1917 г. на заседаниях Московского военно-революционного комитета он выступал за активное продолжение боевых действий. Московские архивы в период октябрьской революции были в шатком состоянии, так как в самом городе, особенно в его центре, происходили артиллерийские сражения. Роль Покровского здесь не совсем однозначная. С одной стороны, он выступал за расширение театра военных действий в Москве и за его эскалацию. С другой, Покровский лично приезжал в МАМЮ, чтобы удостовериться в сохранности архива и пытался добиться очищения помещений. Однако, если МАМЮ был под относительным контролем и присмотром, то другим архивам в этом отношении повезло меньше. При захвате Кремля пострадали и были разграблены Московское отделение императорского двора и Губернский Архив Старых дел и др.

Таким образом, М.Н. Покровский уже в годы революции ставил идею партии выше сохранности архивов и хранящихся в них документов. Данная позиция сохранилась и только укрепилась после того, как в мае 1918 г. Михаил Николаевич вступил в должность заместителя наркома просвещения. Фактически, вплоть до своей смерти, Покровский управлял практически всеми научными учреждениями советского государства. Как это не парадок-

сально, но несмотря на жесткую приверженность идеологической машине большевиков, имя Покровского и его идеи были либо специально забыты после прихода Сталина, либо использованы советской властью в своих интересах. К своим коллегам, которые не поддерживали курс партии, он относился с презрением, в некоторых случаях, с открытой враждебностью.

Владимир Владимирович Адоратский

Его соратником по реорганизации был В.В. Адоратский. Он ранее своего коллеги стал членом партии большевиков – в 1904 г. Принимал участие в первой русской революции, находясь в Казани, однако потом ему пришлось эмигрировать. После возвращения в 1918 г. из эмиграции стал заведовать фондом документов последнего императора и его семьи. Именно он выступил инициатором создания собрания документов по большевикам и октябрьской революции. Кроме того, занимался переводом трудов Маркса и Энгельса на русский язык. В последствии станет директором Института марксизма-ленинизма. С 1938 по 1945 гг. главный редактор собрания сочинений Маркса и Энгельса. Сам он, как и Михаил Николаевич, относился крайне негативно к архивистам, не придерживавшимся курса партии и работавших по старым принципам, считая, что они занимаются бесполезным и

ненужным делом для советской власти.

Таким образом, если период после принятия декрета «О реорганизации и централизации архивного дела» был скорее переходным, и на том этапе централизация и политизация только начали проявляться, формируя свою основу и не раскрывая себя в полной мере, то 20-е гг. станут десятилетием, когда централизация и политизация архивов встанут на первый план как основа для создания новой архивной системы, служащей идеям и делу партии. Прежде всего, это видно в речи В.И. Ленина, произнесённой при назначении Покровского и Адоратского на свои посты: «(они. – А. И.) поставлены как политические руководители» [3, с. 94].

Очень важно отметить, что главной задачей назначенных руководителей Главархивом было политическое руководство. Именно это стало первым шагом на пути к репрессиям архивного аппарата в 20-е и 30-е гг. XX в. Наука перестала быть предметом познания, преобразовавшись в область субъективную, в которой первоочерёдная задача ставится не в постижении истины как таковой, а в создании пропагандистской машины, в которой отсутствуют предметные дискуссии, а в основе лежит выполнение задач и целей партии. Эта черта не является особенностью только архивного дела, однако, в отличие от других сфер жизни общества, оно одним из первых стало проходить этап того тотального контроля или, вернее сказать, тоталитарного режима, который полноценно сформируется в 30-е гг. Политическое, а не научное, руководство архивами дало о себе знать практически моментально.

После назначения М.Н. Покровского и В.В. Адоратского на руководящие посты в ГУАДе начинается рассмотрение личных дел сотрудников управления и архивистов в учреждениях по всей стране на предмет отсутствия лояльности большевистскому правительству. Всего за период с ноября 1921 по февраль 1922 гг. было снято с должности 315 сотрудников из 465, таким образом, неугодных оказалось примерно 2/3 от общего количества архивистов. Повод для увольнения не всегда был нужен, что видно из формулировок снимаемых с

должности людей.

Например, И.А. Блинова, руководителя отделением ЕГАФ, уволили с пометкой «чуждый советской власти элемент, ненадёжный». В чем проявляется эта «чуждость», «ненадёжность» и какие границы у этих понятий – на всё это прямого ответа нет. Такая расплывчатость формулировок была сделана целенаправленно, так как это даёт возможность лишить неугодный элемент власти, положения или должности, даже того, кто находится в высших эшелонах. Данная ситуация выглядит как проба сил, проверка возможностей устанавливавшейся советской власти. И, несомненно, такие же расплывчатые и неясные формулировки будут использоваться во время внутрипартийной борьбы Сталина, а после и в 30-е гг. В первую волну увольнений попали известные архивисты, в том числе социалисты-революционеры из окружения Д.Б. Рязанова, основателя Института марксизма-ленинизма, такие как: Я.Л. Барсков, А.И. Лебедев, И.П. Щербов, Л.Г. Дейч и др. Однако главная проблема архивного дела и сотрудников архивов в то время заключалась не в расплывчатых формулировках или необоснованных увольнениях, а тот факт, что страна, наука и общество теряли квалифицированных специалистов, не имея при этом им замены. Это не могло не повлиять негативно на науку и архивы в целом.

Несколько позже этих событий, произойдёт схожее по своему направлению, но охватывающее не только архивное дело. Осенью 1922 г. из России стали отправлять «Философские пароходы». Это акция была по своему политическому значению гораздо существеннее, так как если в ситуации с увольнением архивист оставался в своей стране и мог по возможности найти себе другую работу, пусть и с трудом, но сохранять культурное наследие России, то в данной ситуации людей за их мировоззрение высылают из страны. Всё то, что происходило в связи с «Философскими пароходами», а также отношение большевиков к высылаемым людям лаконично описал Л.Д. Троцкий: «Мы выслали этих людей потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно» [4, с. 265-268].

Позиция одной из ключевых фигур советской власти, которая претендовала на место В.И. Ленина, кратко, однако исчерпывающе выражает всю позицию большевиков по отношению к несогласным и вольнодумствующим. Важно отметить, что в числе высланной интеллигенции, философов и других деятелей науки и культуры, были и архивисты. Одним из таких был А.А. Кизеветтер. Александр Александрович обучался в Московском университете, был последователем школы Клю-

Институт Ленина на Советской площади в Москве
(архитектор С. Е. Чернышёв, 1926—1927)

чевского, учился под его настоятельством, как и М.Н. Покровский. Был последовательным кадетом. С приходом революции неоднократно подвергался арестам со стороны ВЧК, как, например, в 1918 г., когда его посадили в Бутырскую тюрьму вместе с его учеником А.Ф. Изюмовым [1, с. 354-355]. В августе 1922 г. он был объявлен как неблагонадёжный был выслан на «Философском пароходе» из России в Берлин.

Таким образом, только за один год с ноября 1921 по ноябрь 1922 г. Россия потеряла значительные архивные кадры, потери, зачастую не имевшие под собой никаких оснований, выполнявшие только одну цель – избавить архивное и историческое сообщество от неугодных советскому правительству учёных. В 1923 г. в связи с безосновательными увольнениями показательно сняли с себя должности двое известных учёных: А.Е. Пресняков и С.Ф. Платонов.

Николай Семёнович Чхаидзе

В том же году историк-архивист В.В. Максимов, наделённый полномочиями сокращать штат и деятельность отдельных архивов, находясь в Петроградском отделении Централархива, выступил с докладом, в котором отметил положительные, на его взгляд, изменения в руководстве, сделавшие его коммунистическим, что позволило, также по его мнению, сделать путь советского архивного дела «правильным» [3, с. 96]. Такие архивные чистки породили существенную нехватку квалифицированных кадров, что в скором времени приведёт к формированию архивных кадров не по профессиональным компетенциям, а по партийному, что в результате привело к существенному снижению образования среди работающих архивистов и к 1927 г. у половины архивистов Ленинградского отделения Центрального исторического архива отсутствовало среднее образование.

Кроме уже упомянутых проблем политизации архивов стоит отметить переориентацию основной деятельности архивов и реорганизацию секций ЕГАФ. 17 сентября 1920 г. был создан Госархив РСФСР, который делился на четыре секции. Важно отметить, что из четы-

рёх секций две содержали в себе документы, связанные с революцией и революционным движением, на остальную историю России отводилось оставшиеся две секции. 21 сентября того же года было выпущено постановление СНК РСФСР «Об учреждении Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской коммунистической партии». Данная комиссия потом будет преобразована в Истпарт. Примечательно, что её секретарём стал В.В. Адоратский. Совместно с М.Н. Покровским они начали создавать обширную научную базу и механизм по изучению и обобщению коммунистической партии и революции.

Это также сказалось негативно на архивном деле, так как изучение «второстепенных», «буржуазных» документов отводилось на второй план. Также создавались секретные секции, в которые допускались далеко не все сотрудники архивов, не говоря об обычных гражданах. Одной из таких секций стал «Новоромановский архив». После смерти В.И. Ленина политические и секретные секции станут основой для внутрипартийного противостояния большевиков. Одним из примеров такой борьбы стала публикация И.В. Сталиным письма Л.Д. Троцкого к Н.С. Чхаидзе, написанного в 1913 г. Иосиф Виссарионович цитирует текст письма на выступлении 19 ноября 1924 г. на пленуме комфракции, через неделю после эта речь будет выпущена в газете «Правда».

В декабре того же года «Правда» публикует полную версию этого письма. Уже через несколько лет, 21-23 октября 1927 г. Сталин заканчивает выступление цитатой Троцкого из другого личного письма, в котором написал: «Ленин – мастер дрянной склоки» и многое другое [3, с. 100]. При этом Лев Давидович указывал, что Ленин знал о письме к Чхаидзе и относился к нему спокойно. Кроме того, Сталин отвергал любые компромиссные предложения Троцкого, однако важным стоит отметить факт того, что архивы и архивные работники стали использоваться в политическом поле с целью компрометации политических оппонентов, за что также могли быть при необходимости уволены.

Таким образом, сначала 20-е гг. XX в. явились вызовом для исторической науки и архивного дела в целом, а после существенным переустройством архивного дела. Культурно-историческая роль архивного дела в 1920-е гг. заключается в создании беспрецедентной ситуации, когда культурное наследие и научный подход уходят на второй план, давая первенство идеологической машине. Однако это началось не сразу, важно отметить, что похожая практика ультиматумов предполагалась Советским правительством с самого начала. Так, одним из ярчайших примеров такого противостояния стали отношения между А.В. Луначарским и петроградскими архивистами, членами СРАД. После октябрьского переворота в Министерство народного просвещения Луначарским был отправлен «на разведку» В.В. Бакрылов, который должен был от лица Анатолия Васильевича вести переговоры с чиновниками Министерства народного просвещения. Так, по его мнению, «допотопные архивариусы» и несколько пожилых сотрудников-регистраторов открыто заявили позицию, согласно которой они отказываются работать совместно с Луначарским.

Сам Анатолий Васильевич отмечал: «Мне перспектива остаться с моими товарищами по коллегии, окруженными достаточным числом курьеров, истопников и дворников, не улыбалась» [2, с. 123].

В связи со сложившейся ситуацией, Луначарский начал активные поиски новых сотрудников в Министерство народного просвещения. Им проводились специальные доклады на заседаниях коллегии. Существенных подвижек и изменений это не дало. Также он обращался к комитету по народному образованию с целью поиска квалифицированных кадров, что также не дало результата. И последнее обращение было к преподавательскому составу и учителям разных учреждений. Данная мера также не привела к необходимому результату, а ушедшие чиновники Министерства, по мнению самого Луначарского, навстречу ему не шли. Тогда Анатолий Васильевич по предложению В.В. Бакрылова решил взять Министерство силой. Им были собраны люди, с которыми он отправился в Министерство, в котором уже не было архивистов, заранее у-

Анатолий Васильевич Луначарский в 1925 году

навших о планах наркома просвещения и покинувших здание.

После этого была проведена ещё одна переговорная встреча, которая также не принесла никаких результатов, однако нарком просвещения заявил, что при желании чиновников, они могут вернуться в Министерство, но только те, кто сможет работать под новым руководством с выполнением своих общественных обязанностей, т.е. те архивисты и другие работники, которые будут придерживаться большевистской идеологии и поддерживать советское правительство [2, С. 125]. Данная ситуация описывается Луначарским как снисходительное отношение или отношение «по-хорошему» к чиновникам, однако он сам указывает, что в течении 8-9 дней он с членами коллегии не отправлялись в Министерство. Это значит, что процесс переговоров и поисков замены архивистов занимал чуть больше недели, когда Анатолий Васильевич обращался в комитет по народному образованию, проводил встречи с учителями и проводил заседания коллегии. Следовательно, сами переговоры проводились в ещё меньший срок, чем указанные 8-9 дней, а это значит, что, скорее всего, Луначарский не стремился находить компромисс с архивистами, либо В.В. Бакрылов доносил до наркома только частичную ин-

формацию.

Так или иначе, это привело к быстрому и резкому разладу с чиновниками и занятию Министерства. В целом, оба этих варианта могли иметь место. Кроме того, данная группа архивистов, вступившая в противостояние с Луначарским, приобщилась к общей забастовке протеста чиновников по всей стране, которая продлилась относительно недолго и уже в январе 1918 г. в Союз российских архивных деятелей поступили обращения с просьбой разрешить архивистам выйти на работу, т.е. фактически прекратить всеобщую забастовку.

В своей мемуарной газетной записке Анатолий Васильевич этого не вспоминает, что также может указывать на необходимость создания образа царских или буржуазных архивистов-саботажников, от которых необходимо избавиться, чтобы привести архивное дело в порядок. Об этом нельзя утверждать однозначно, однако Луначарский не мог не знать о прекращении забастовки и стремлении архивистов вернуться на рабочие места. Таким образом, советское правительство, а в частности Наркомпрос, не стремились найти компромисс и сохранить квалифицированных сотрудников, не придерживавшихся большевистской идеологии, прибегая скорее к более быстрым и радикальным решениям, совместно с этим создавая предлог для потенциальных репрессий в отношении историков и архивистов.

В 1920-е гг. архивное дело встало на путь коренного преобразования, в результате которого произошёл значительный излом как в сфере исторической науки, так и в вопросе сохранности огромного пласта культурного наследия России – архивных документов.

Такая политика приведёт в 1930-е гг. к тому, что архивы будут сдавать свои документы на макулатуру ради выполнения идеологических установок, забывая об установках культурных и научных. С наступлением 20-х гг. архивы начинают подчиняться партийной идеологии. Во главу угла ставится не профессиональные навыки и компетенции архивиста, а его приверженность идее коммунизма. Порой даже идейные архивисты её не проходили, как

было с окружением Д.Б. Рязанова.

Именно в эти годы был создан репрессивный аппарат, целью которого было отстранение от архивов «ненадёжных», «буржуазных» и других несогласных с политикой большевиков людей. Большевики изменили суть архивного дела, закрыв архивы для большей части населения, сделав их достоянием внутрипартийных элит и их интриг. Сами учреждения внутри стали закрытыми и политизированными, было уволено и репрессировано подавляющее количество специалистов, сохранив лишь «политически надёжных». Само же архивное дело, первично выполняя культурно-историческую роль, должно служить своему народу посредством сохранения культурного наследия предков. Оно должно быть оплотом гуманитарных наук и вести, будь то философскую или историческую, или филологическую, мысли вперёд.

Список литературы

1. Волошина, В. Ю. Ученый в эмиграции: Из переписки А.А. Кизеветтера с А.Ф. Изюмовым / В. Ю. Волошина // Мир историка : Историко-графический сборник. – Омск : Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2009. – С. 354-368. – EDN UQMEFP.
2. Луначарский А. Как мы заняли Министерство народного просвещения // Народное просвещение, 1927. Nq 10.
3. Хорохордина Т.И. История Отечества и архивы: 1917 – 1980 гг. // Т.И. Хорохордина – Москва: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1994. – 360 с.
4. Хрестоматия по истории России: 1917—1940 / Под ред проф. М. Е. Главатского. — М.: АО «Аспект Пресс», 1994.

Архивохранилище архива Октябрьской революции с газетно-плакатным отделом

СЛОВО СТАТИСТИКЕ

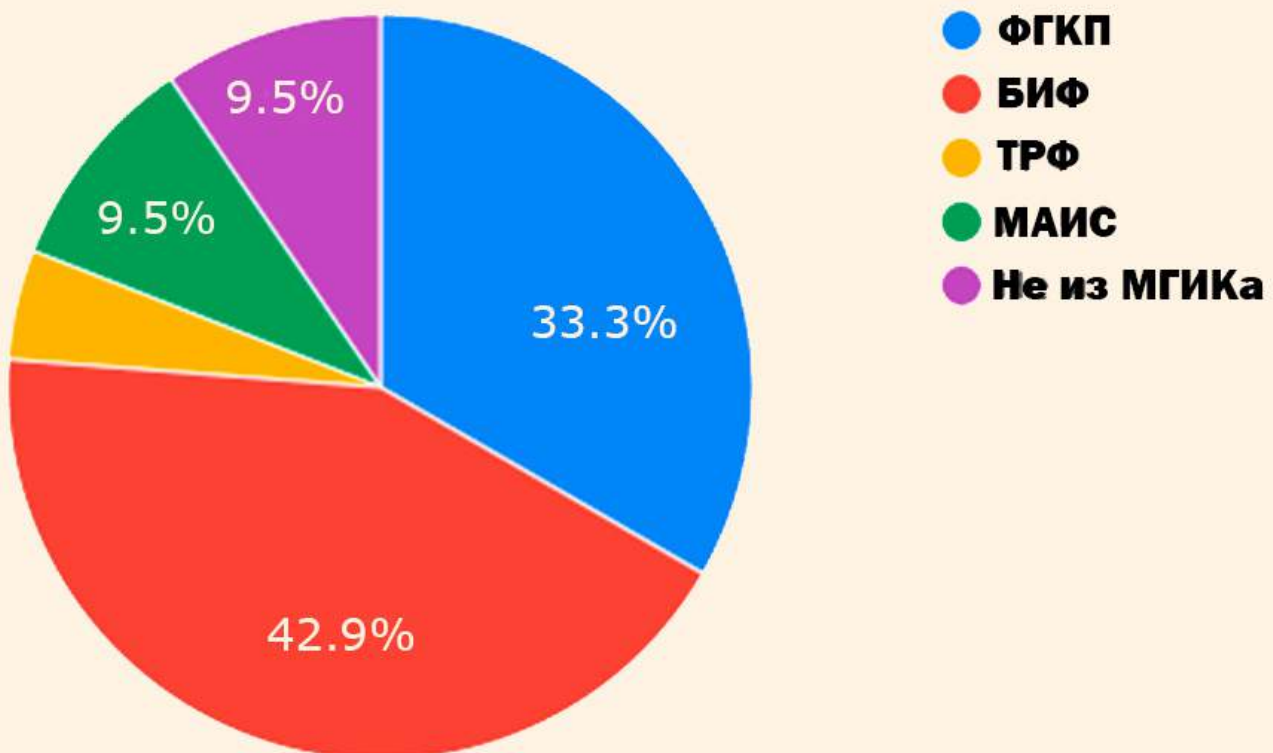
Альманах «Гамаюн» вновь провёл социологический опрос среди студентов, его результатами мы делимся с вами!

В этот раз узнавали мнение студентов на тему «Роль студенческих сообществ в жизни ВУЗа»

Важно указать, что в сравнении с предыдущим опросом, проводимом во втором номере альманаха, в нынешнем опросе приняли участие не только студенты из МГИКа, но также студенты других ВУЗов. Редакция альманаха безусловно рада такой тенденции и передаёт всем новым участникам из других мест большой «Привет!». В последующем социологические опросы будут ориентированы не только на МГИК, но и на другие ВУЗы. Разнообразная палитра участников социологического

опроса показана на графике ниже

Наибольшее количество участников опроса (42.9%) были с Библиотечно-информационного факультета, на втором месте в 33.3% с факультета государственной и культурной политики, третье место поделили между собой студенты факультета медиакommunikаций и аудиовизуальных искусств со студентами других ВУЗов. Остальные участники опроса были из театрально-режиссерского факультета

Участники социологического опроса по факультетам. В связи с просьбой студентов из других ВУЗов, они были вынесены в отдельный пункт

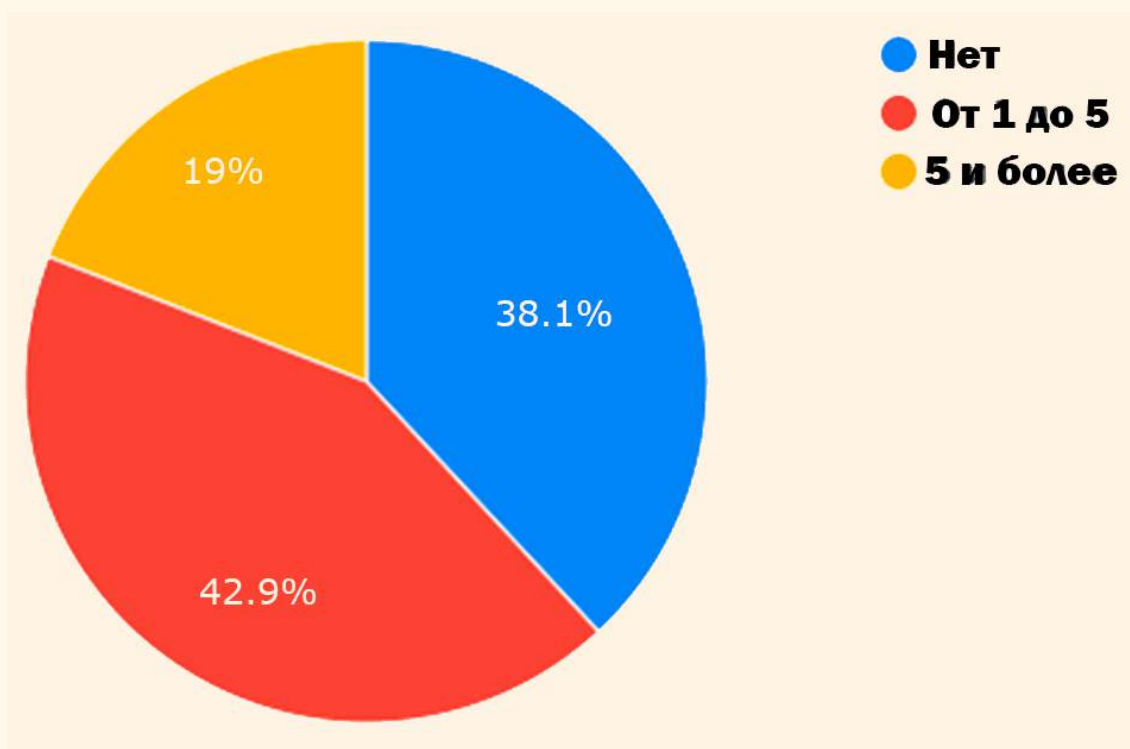

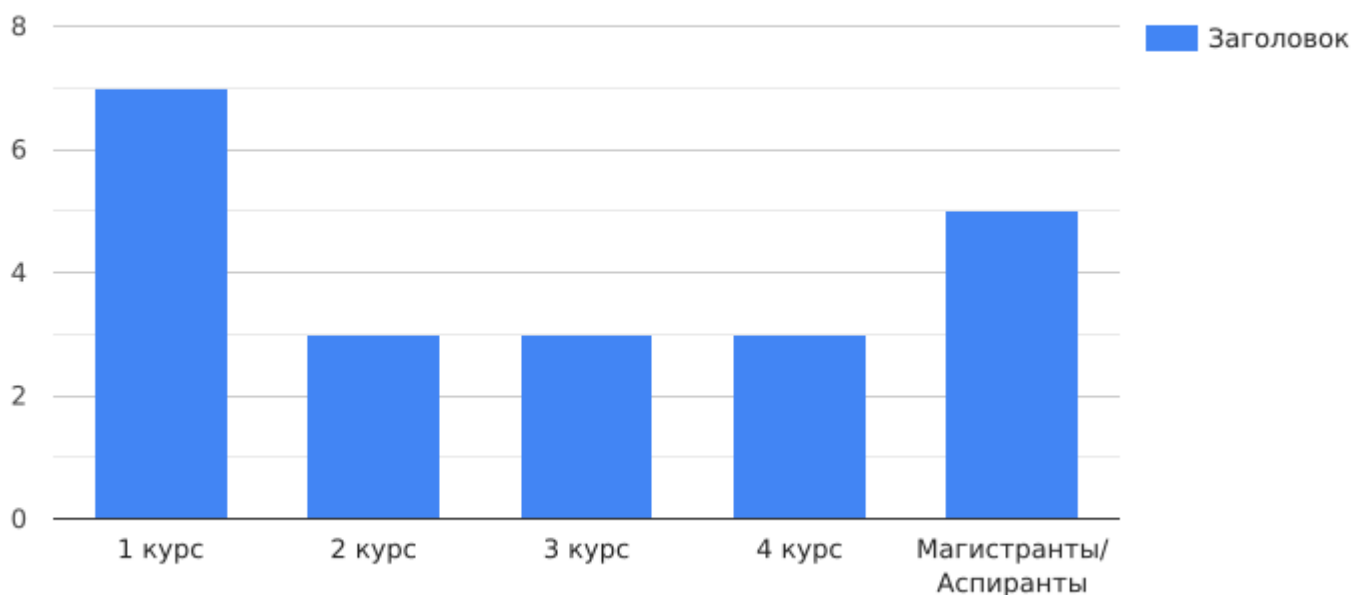
Диаграмма ответов на вопрос «Принимали ли Вы ранее участие в мероприятиях, организованных студенческими сообществами?»

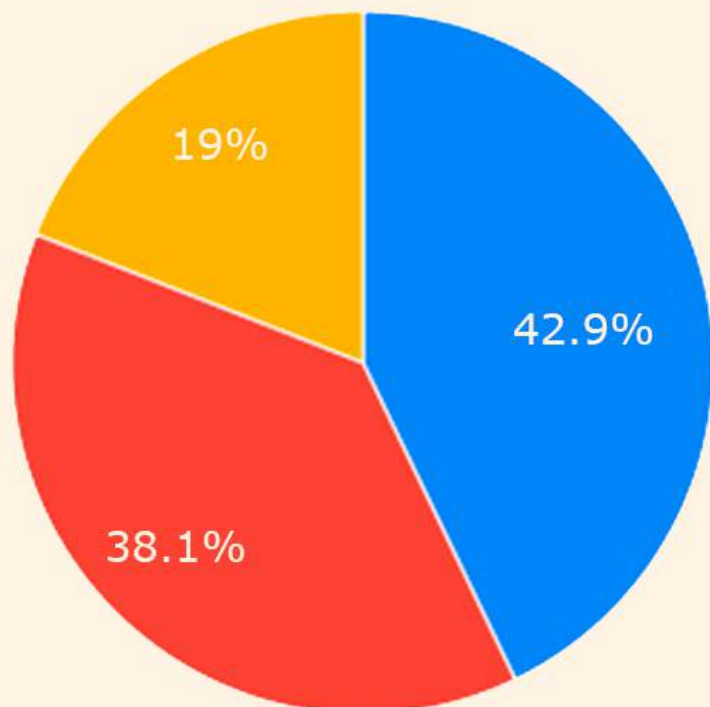
Отвечая на вопрос «Как Вы считаете, важны ли студенческие сообщества как форма организации студентов?», 85% студентов считает, что студенческие сообщества являются важной частью формы организации студентов, в то время, как 15% не считает их таковыми.

33% респондентов являются первокурсниками, на 2, 3 и 4 курсе примерно по 14% и примерно 24% – это магистранты и аспиранты.

Примерно 43% респондентов участвовали в мероприятиях от 1 до 5 раз, организованных студенческими сообществами, 38% не участвовали в них вообще и 19% – более 5 раз.

Состав участников опроса по курсам

- **Активно (быть членом сообщества)**
- **Пассивно (участвовать в мероприятиях)**
- **Не готов (-а)**

Диаграмма ответов на вопрос «Насколько Вы готовы принимать участие в жизни студенчества?»

Такое существенное количество человек, не участвовавших в мероприятиях от студенческих сообществ предположительно сложилось по той причине, что треть респондентов являются первокурсниками и не успели принять участие в каких-либо активностях.

Из общего числа респондентов примерно 43% готовы активно участвовать в жизни студенчества, т.е. быть членом сообщества, которое организует различные мероприятия. 38% готовы пассивно участвовать в жизни студенчества, то есть только принимать участие в мероприятиях. И примерно 19% не готовы принимать участие в жизни студенчества.

Также респонденты показали позитивный результат на предмет практической пользы существования студенческих сообществ для его участников. Так, примерно 86% респондентов считают, что студен-

ческие сообщества приносят практическую пользу для своих участников, в то время как 14% процентов не считают, что такие сообщества приносят практическую пользу.

Те, кто оценил позитивную роль студенческих сообществ также обозначили сферы, в которых такие сообщества помогают своим участникам.

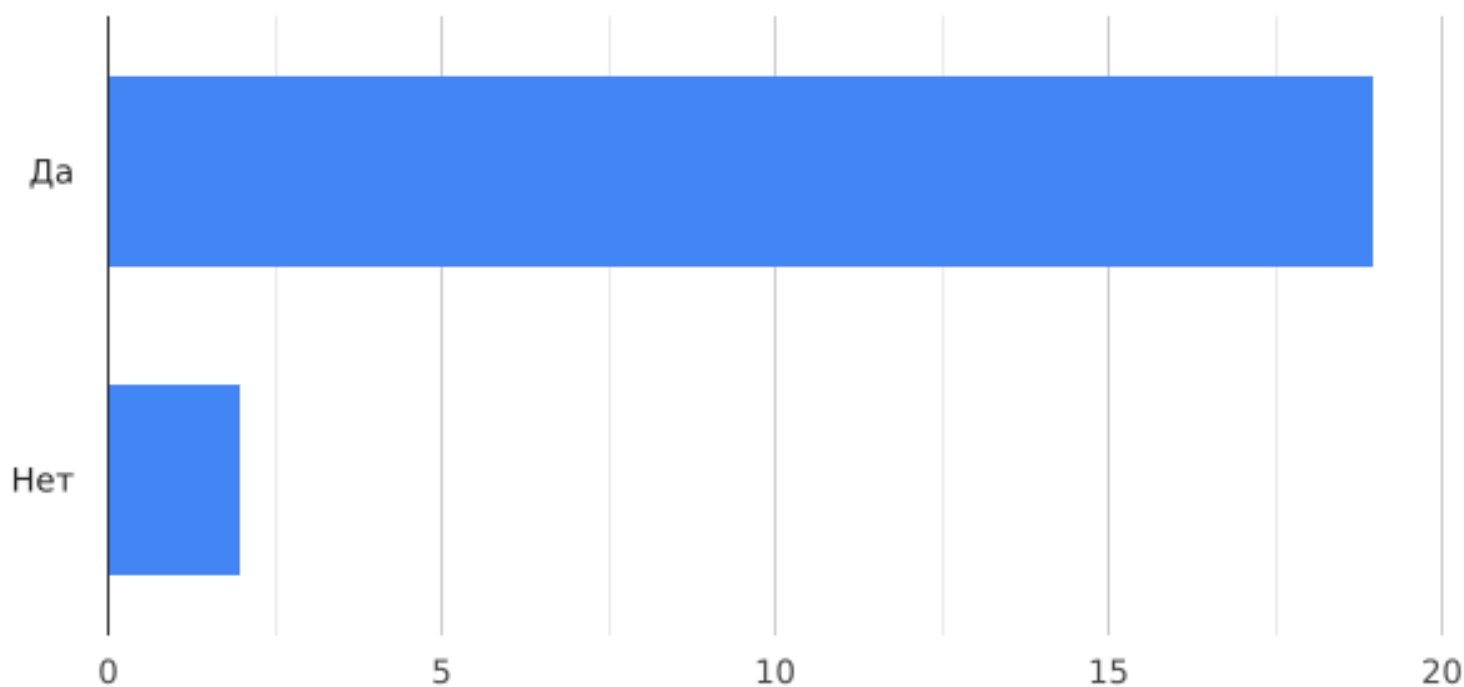
12.7% респондентов считает, что студенческие сообщества помогают определить свои профессиональные навыки, 15.9% считает, что помогает определить жизненные интересы. Наибольшее количество респондентов считает, что студенческие организации помогают найти друзей и знакомых, – 30.2%. Также из общего числа респондентов 22.2% считает, что такие сообщества помогают самореализоваться и 19% выразило мнение, что это помогает хорошо провести время.

Примерно 14% респондентов счита-

Диаграмма ответов на вопрос «Если приносят пользу, то в каких сферах?»

График ответов на вопрос «Приносят ли студенческие сообщества практическую пользу для своих участников?»

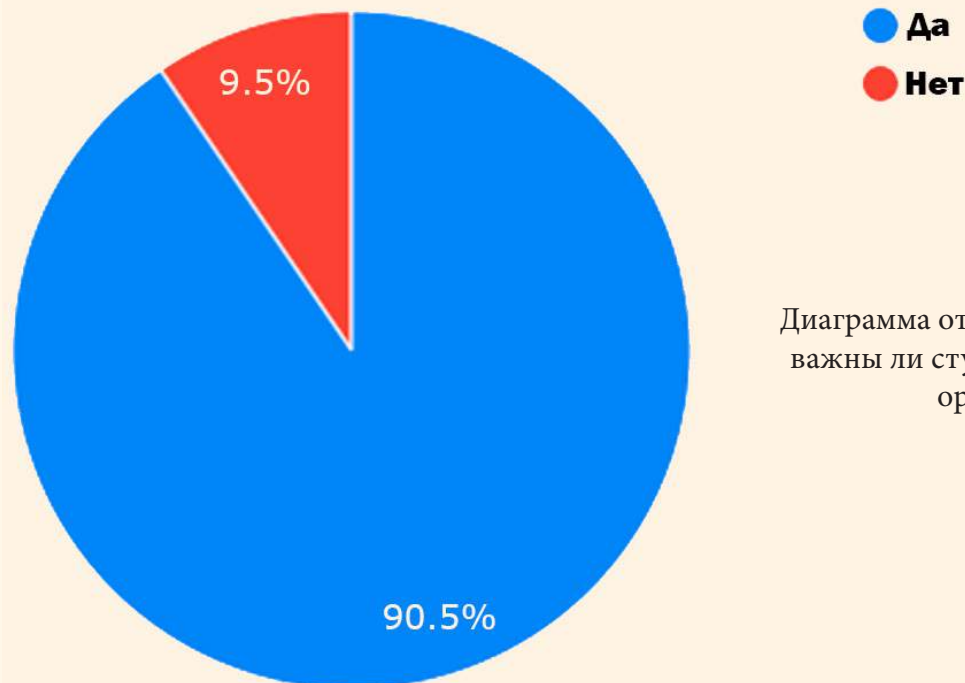

Диаграмма ответов на вопрос «Как Вы считаете, важны ли студенческие сообщества как форма организации студентов?»

ет, что студенческие сообщества не влияют на жизнь внутри ВУЗа, тогда как 86% считает, что они влияют позитивно, в то же время ни один из респондентов не считает, что студенческие организации влияют негативно на жизнь внутри ВУЗа.

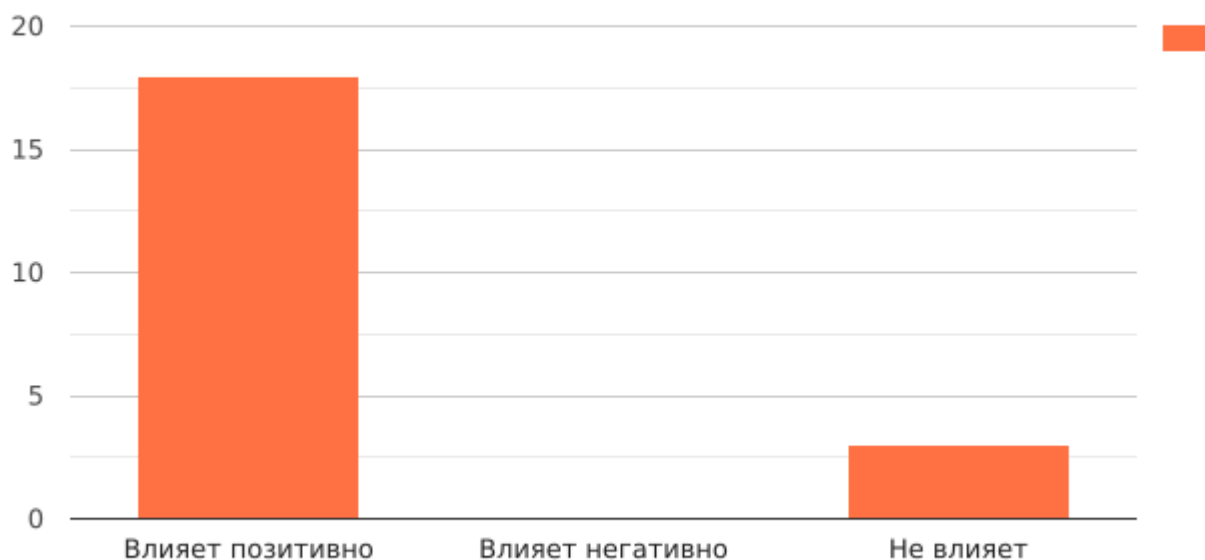
Также респондентам был задан вопрос: «Как Вы считаете, какой оказывает эффект привлечение студенческих сообществ для решения проблем ВУЗа/факультета/кафе-

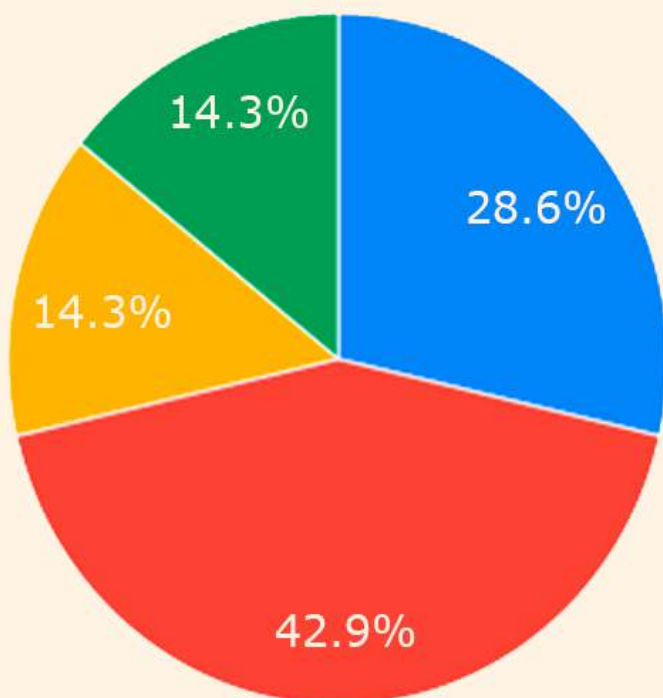
дры?»

Отчевая на него, примерно 71% респондентов считают, что привлечение студенческих организаций для решения проблем внутри ВУЗа оказывает позитивный эффект на решение конкретной проблемы, в то время как 29% считает, что студенческие сообщества никак не влияют на решение проблем ВУЗа.

Также были установлены варианты

График ответов на вопрос «Влияют ли студенческие сообщества на жизнь внутри ВУЗа и каким образом?»

- **Возглавить**
- **Участвовать в мероприятиях**
- **Заниматься организацией мероприятий, но не руководить**
- **Никак**

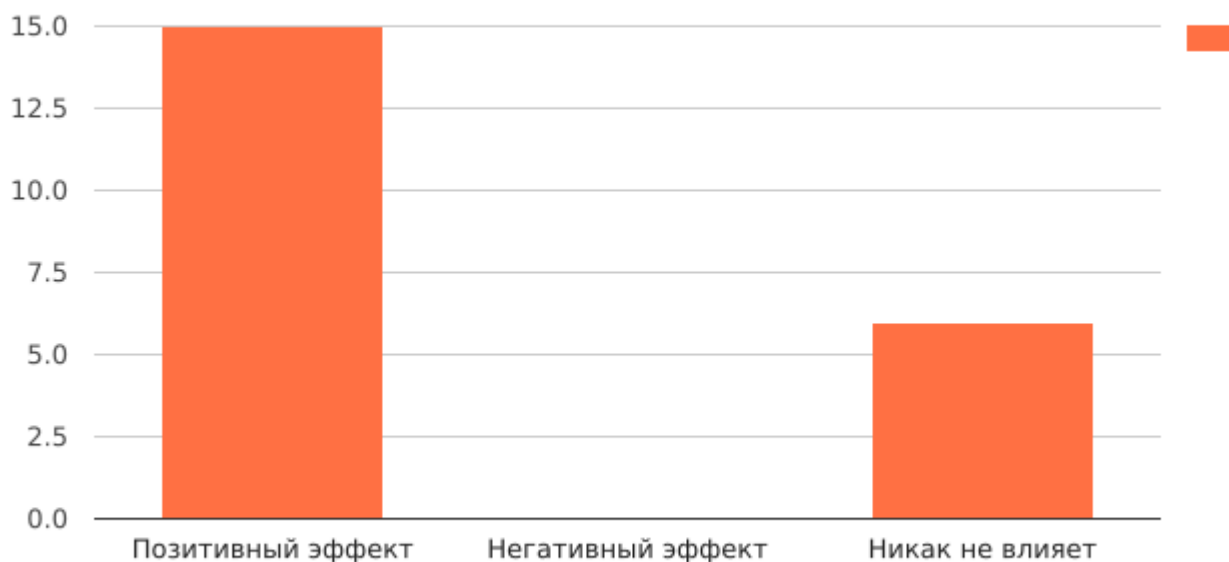
Хотели бы Вы возглавить/организовать студенческое сообщество?

мотиваций студентов внутри сообщества. Наибольшая часть респондентов, примерно 43% внутри студенческого сообщества хотела бы участвовать в его мероприятиях. На втором месте оказалось желание возглавить такое сообщество, примерно 29%. Почётное третье место по ответам поделили между собой ответы «Заниматься организацией, но не руководить» и «Никак не участвовать», каждый по примерно по 14%.

Мы ещё раз благодарим всех участников опроса и призываем всех как можно активнее участвовать не только в жизни ВУЗа в плане учёбы, но и в плане студенческой жизни: организовывать студенческие клубы, братства, сообщества, организации, проводить в студенческой среде мероприятия, но и просто принимать участие в студенческих активностях.

В подтверждение наших слов следующая рубрика – «Слово эксперту».

График ответов на вопрос «Как Вы считаете, какой оказывает эффект привлечение студенческих сообществ для решения проблем ВУЗа/факультета/кафедры?»

СЛОВО ЭКСПЕРТУ

Альманах «Гамаюн» взял интервью у преподавателя МГИК, доцента кафедры Истории и философии, кандидата политических наук, Артура Викторовича Атаева о важности студенческой активности в жизни как самих студентов, так и ВУЗа.

Беседовал Алексей Иванов

— Артур Викторович, спасибо, что согласились дать интервью и нашли для него время.

Вы – человек, посвятивший большую часть лет студенчества и профессиональной деятельности ВУЗу, учились и преподавали как в Северо-Осетинский Государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, Российском государственном университете нефти и газа им. И.М. Губкина, Российском институте стратегических исследований, а сейчас

Вы в Московском государственном институте культуры, поэтому имеете обширный и многообразный опыт взаимодействия со студентами. На Ваш взгляд, насколько само по себе важно наличие студенческого сообщества в жизни ВУЗа?

— Я убеждён и считаю однозначными устоявшейся уже правила: студент, как студент, может состояться только в одном случае, если он не имеет академической задолженности (не является злостным нарушителем учебного процесса), но помимо этого должен быть вовлечён в

уникальную, не имеющую аналогов в последующем, имею в виду в последующей жизни, студенческую активность. Скажем так, массовую составляющую развития, потому что студенчество оно фактически движением и является, и мне есть в этой связи что с чем сверять.

Я на раннем этапе своей студенческой биографии вошёл в профсоюзное студенческое движение. Увидел, что это очень интересно, для меня это было более интересно, чем учебный процесс. В последующем, когда я стал преподавателем, стал обращать внимание, что студенты, которые занимаются общественной деятельностью, общественной жизнью: в профсоюзном, студенческом движении, в профессиональных сообществах, как допустим, это было в университете нефти и газа, – они более органичны в мире, более естественно вписываются в сложный мир, с которым сталкиваются уже за пределами ВУЗа.

В ВУЗе студент находится в коконе, особенно если рядом общежитие или это кампус, когда учебные корпуса недалеко от общежития, – это своеобразный кокон, далёкий от того, что в реальном мире, когда студент сталкивается уже с более трудным миром, будучи трудоустроенным. И именно студенческая активность или многочисленные студенческие движения являются проводником в реальный мир, если студент в них участвует, ему легче потом встраиваться в реальный мир после учёбы. В этом всё важно, что его уже знают и как правило, помогает то, что на старших курсах студент работает.

В связи с этим я бы выделил следующую градацию студентов:

Первая группа – это беспечный студент, которому не нужно ни обучение, ни какая-то практика, ни общественная жизнь.

Председатель ФНПР – М.В. Шмаков
Вторая – студенты, которые делают акцент исключительно на общественной жизни. Для них учёба является своеобразным «фоном» и они общественники, состоялись как общественники, и они также классные волонтеры, но здесь важно отметить, что такие студенты забывают главное предназначение студента – учёбу.

Третья – студенты, которые делают акцент исключительно на учёбе. Они приходят, присутствуют на парах, отвечают на семинарах и всё. Своеобразные функционалы – так можно их охарактеризовать. Да, к ним не придерешься, но такие студенты остерегаются общественной жизни, они её терпеть не могут.

Четвертая – студенты, которые как в учёбе, так и в общественной жизни состоялись. Скажу честно: это очень редкий вид студентов, но когда ты уже долгое время проработал в ВУЗе и даже, допустим, перешёл в

другой ВУЗ, вот таких сразу видишь. Мимо него не пройдёшь, так как он виден преподавателям, он виден студентам. О таких уже могут знать абитуриенты ещё до поступления – это как правило люди медийные, которые являются опорой и ректората, и деканата, и своих родителей. Такие студенты – гордость семьи, гордость того города, который представляют и, как правило, они выделяются. Поэтому я бы рекомендовал для студентов найти вот эту середину, симбиоз, симфонию – находить. В том числе и в МГИКе. В МГИКе, на мой взгляд, таких студентов немало.

— Полностью согласен, а Вы, будучи студентом, как уже говорили, были в профсоюзном движении. Какие ещё общественные активности были на Вашем счету во времена студенчества?

— Профсоюзное движение – оно очень мощное, так как имеет отдельную структуру. Оно начинается сначала в студенческой группе, дальше переходит на факультетский уровень, потом на университетский уровень. После чего на региональный и уже федеральный. Вот мы приезжали на конференции к Шмакову (Михаил Викторович Шмаков – Председатель Федерации независимых профсоюзов России с 1993 по 2024 год – ред. А. И.) в Федерацию независимых профсоюзов России – это было круто и беспоодобно, так мы прошли довольно серьёзную школу.

Профком он самодостаточный, во-первых, потому что у него свой бюджет. Каждый студент платит членские взносы. Когда я был сту-

дентом, было 2% от стипендии, сейчас не знаю, но так у профсоюзной организации складывается свой бюджет. Во-вторых, профсоюзное движение существует в ВУЗе автономно, у них своя вертикаль, а цель профсоюзного движения – социальная поддержка, тут важно отметить, что социальная, не политическая. Социальная поддержка и проведение крупных мероприятий.

Профсоюз именно силён тем, что многие студенты, и я таких знаю, которые туда вступают, они там так и остаются и через время оказываются в Федерации независимых профсоюзов на каких-то серьёзных ролях.

Помимо этого, я был членом Российской ассоциации политической науки. Будучи студентом всегда есть движения, которые также вовлекают уже в профессиональные сообщества. Там уже существуют лаборатории, исследовательские комитеты. На своём примере могу сказать, что благодаря профессору Сунгурову (Александр Юрьевич Сунгуров – профессор, доктор политических наук — ред. А.И.) мне посчастливилось войти в один из исследовательских комитетов на ранней стадии его зарождения. В нём до 2007 года я и пребывал.

Вне студенческой жизни также я был вовлечён в партийное движение. Нужно сделать ремарку, что студенты 1990-х отличаются от нынешних студентов тем, что они были очень политизированы. Это не плюс и не минус, просто факт. Так вот, я не состоял в партии, но нас вов-

Александр Юрьевич Сунгуров — российский политический деятель и политолог

лекали в активную агитационную работу. Была такая партия Виктора Степановича Черномырдина, он был премьер-министром, «Наш дом – Россия». Мы с другими моими знакомыми были в сообществе, поддерживающем это политическое движение, со временем ставшее политической партией.

Это, пожалуй, и всё основное.

— Очень яркая студенческая жизнь! Как раз в связи с этой частью Вашей биографии и тем, что Вы говорили про студенческую активность чуть ранее. Что конкретно даёт студенту такая социальная, общественная активность?

— Я думаю, первое – это социализация. Студент становится более социализирован, он может войти в сообщество профессионалов, условно говоря, литераторов. По сути, студент, который занимается об-

щественной работой, он менеджер. Управленец. Он знает, как организовать процесс. Такие люди нужны и в нефтехимической промышленности, и в некоммерческой сфере, и в сфере институтов Российской академии наук.

Ему легче, потому что он прошёл уже какую-то практику. Вы не раз сталкивались с объявлениями, когда на работу ищут молодых людей, но нужен опыт. Это очень важный элемент при трудоустройстве. А если у студента есть бэкграунд, а он как правило уже успел зарекомендовать себя, может работать даже в штате ВУЗа или в какой-то другой организации, связанной с общественным движением, молодёжной, например, – то ему легче.

Знаете, может термин «легче» не особо подходит, у студента есть целеполагание, он знает, зачем находится в ВУЗе. Мы, к сожалению, столкнулись с такой категорией студентов, которые не знают, зачем они пришли в ВУЗ. Они разочарованы в ВУЗе, разочарованы в специальности и таких, слава Богу, немного, но они есть и это проблема. В тоже время человек, который общественник, у него нет времени задавать себе такие глупые вопросы: зачем он в ВУЗе, зачем он занимается общественной работой.

Сейчас часто в обиходе стали использовать термин «служение». Я на примере ВШЭ, там есть проректор Земцов, и он на одной из недавних конференций выступал и говорит: «Мы студентов юристов, которые подают надежды в плане

будущего профессионального роста нацеливаем на этот рост. Мы им говорим: вы будете успешны, вы будете материально обеспечены, мы это видим. Но давайте определённую часть времени в течении недели вы будете служить. Отдавать время на бесплатную работу, поддерживая, например, малоимущего».

Они это просто проговаривали, и какая практика сложилась – студенты, которые уже на 4 курсе или в магистратуре, уже сейчас на определённую часть времени, примерно, несколько часов своего времени в неделю уделяют на такие проекты, когда студент просто помогает людям на безвозмездной основе. Это становится для него миссией – служение. Это то, что было в Имперское время.

— Воспитание филантропии в человеке.

— Да, или благотворительности.

— Хорошо, а если говорить конкретно о МГИКе и сравнивать его с другими ВУЗами, в чём особенность, отличия или характерные черты студентов МГИК?

— Здесь очень много студентов с регионов, где-то, наверное, 80% студентов, если не больше. Это люди от земли. МГИК не в классическом понимании московский ВУЗ, где выпускники московских школ превалирующая часть абитуриентской молодёжи. Поэтому здесь у студентов особая форма радушия и знания. Они знают практику регионов, они носители той формулы,

которая раскрывает суть глубинной, истинной России. Поэтому преподаватель МГИКа этим не может не восторгаться. Когда я преподавал в РГУ нефти и газа, у меня было пол мира в аудитории: и Иран, и Туркменистан, и Китай, и была украинская молодёжь, также много было студентов из Вьетнама.

А здесь – вся Россия.

Это безусловно доминанта МГИКа, особенность ВУЗа, потому что здесь, особенно хореографы, музыканты, это носители особой, глубинной российской культуры. Наверное, второго такого ВУЗа нет, где такая палитра и такое многообразие, оно в тоже время, в единстве.

Ещё раз подчеркну: мне кажется, это особенность хореографов и факультета музыкальных искусств в большей степени, но и других в том числе.

— Что даёт России такое присутствие студентов со всей страны в стенах одного ВУЗа, что это может дать в перспективе такой плюрализм взглядов жителей разных регионов на нашу страну самой стране?

— Я бы не сказал, что это плюрализм взглядов, это как раз-таки многообразие, но это многообразие подчеркивает единство России. Когда ты видишь это в ходе мероприятий, связанных с юбилеем Победы. Казалось бы, девочка из Архангельска и девочка из ДНР со студентом из

Владивостока вместе со студентом из Нижегородской области, и они исполняют композицию как одно целое.

Что это даёт государству? Это даёт укрепление. Одна из основ государственности — это, безусловно, многообразная культура, и такие ВУЗы, как Московский государственный институт культуры, – они укрепляют непосредственно стержень государственности.

Есть ВУЗы, которые дают навыки, знания, умения и доступ, допустим, к бизнес сообществу, то здесь помимо знаний, навыков и умений, студент может в большей степени подсознательно это чувствовать, глубинность корневой системы Российской цивилизации. В таком ВУЗе это нельзя не прочувствовать.

Мне это в первый раз сказали китайские студенты, что МГИК открывает для них всё многообразие России. После этого я стал задумываться, тем более у нас предмет «Основы российской государственности», у него одно из краеугольных понятий, это понятие «цивилизации».

И посмотрите, китайцы этому не перестают удивляться, а для нас это стало обыденностью. Конечно, мы, преподаватели, воспринимаем студента как студента, а он же не просто студент, он студент из русской глубинки. Один студент мне рассказывал: «Я каждую травинку в своей деревне знаю».

Да, и мы, дай Бог, чтобы воспринимали его как носителя этой уникаль-

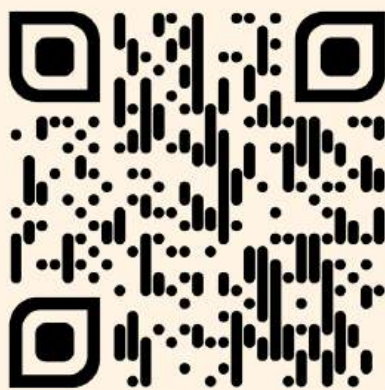
ной, не имеющей аналогов культуры или субкультуры того места, которое он представляет.

— Большое спасибо, Артур Викторович, что уделили время на такой обстоятельный разговор. Что Вы можете пожелать студентам, которые хотят заниматься социальным служением и общественной деятельностью?

— Вы знаете, я каждый день, когда прихожу в МГИК, мой день начинается с зависти студентам, потому что не все студенты понимают, где они живут и в каком периоде находятся, вот я им всегда говорю: будьте студентами, потому что такого уникального периода в вашей жизни уже никогда не будет.

Поэтому я всем желаю осознать, где они находятся, потому что когда они выйдут за пределы института культуры, они столкнутся с очень суровым и жёстким миром, где очень трудно будет выживать, потому что жизнь становится тяжелее. Этот момент нужно использовать, каждый миг нахождения в институте культуры: пощупайте стены родной, любимой аудитории, оставьте позитивный след на кафедре, дайте новый импульс своему творчеству – приобретёте больше, гарантирую.

Наш канал в Telegram

Наша группа ВКонтакте

A digital illustration of a woman with red hair in a ponytail, wearing an orange sweater and blue jeans, sitting on a large tree stump and reading a book. She is surrounded by a forest with vibrant autumn foliage in shades of orange and yellow. A large, gnarled tree trunk is on the left, and a mountain peak is visible in the background under a soft, hazy sky. The word "ПОЭТИКА" is written in white, bold, sans-serif capital letters across the middle of the image.

ПОЭТИКА

ПОДАРИТЕ МНЕ...

Подарите мне пение птиц,
Подарите мне шелест моря,
Подарите с поляны цветы...
Хотя нет, пусть растут на воле!

Подарите букет конфет,
Пусть он пахнет шоколадом горьким!
Подарите мне белый стих,
Чтоб он с белым смешался снегом.

Подарите мне весь цветной
На верёвке воздушный шарик.
Пусть как будто бы держит рукой
Его плюшевый мишка иль зайчик.

Подарите сияние глаз
И улыбок своих тепло!
Подарите Объятий час,
Чтобы ночью стало светло!

Пару добрых приятных слов,
Чтоб слезинке блеснуть на реснице!
Подарите свою любовь,
Чтобы было уютно сердцу!

...

Каждый в жизни находит своё,
Чтобы снова в неё влюбляться.
Мне не надо почти ничего,
Лишь подарите повод мне улыбаться!

Тамара Ванина

ВСЁ СИМВОЛИЧНО В ЭТОЙ ЖИЗНИ

Всё символично в этой жизни
До самых мелких мелочей.
Но мы порой не замечаем
Всех главных, значимых вещей.

Считаем мелочи смешными,
(Зачем они вообще нужны нам)
Пытаемся миры понять.
Забыв, что все они из квантов
И меньших точек состоят.

Проходим мимо человека,
Не слыша рядом ни души,
Забыв даже о капле света,
Что мы способны излучить.

Но вот, бывает, улыбнёшься
Кому-то встречному в метро,
И он в ответ вдруг улыбнётся,
И станет на душе светло.

Бывает, встретишь человека,
Ему-то вроде ничего:
На вид обычная беседа,
А ты же счастлив, как никто.

И больше ничего не надо –
Одна беседа, просто так.
Кому-то – лёгкость и отрада;
Кому-то – крошечный пустяк.

Бывает, человек скучает.
Возьми ему да напиши.
И сразу где-то злость оттаёт
И затеряется в тиши.

Вот эта мелочь разговора,
Мелочь объятий, просто встреч
Могучей тысячи понятий
И истин, что хотят извлечь!

Каждая мелочь – словно капля
В могучем море нас – людей.
Давай, мой друг, не мелочиться.
На мелочи не мелочиться.
Давайте, люди, быть добрей.

Тамара Ванина

**Под свет улыбок, тихих голосов
Мы провожаем Лето. Незаконно
Вторгаться в сердце, чтоб, лишая снов,
Манить рассветами и красотой природы.**

**Нельзя же, Лето. Больно отпускать
Твои закатно-огненные краски.
Но ты собрало чемоданы, сказки
С сердечным словом «Я вернусь опять».**

**Листва сияет- солнце сквозь зеленый
Земле являет необычный свет!
Природа, зная о твоём уходе,
Уже готовится сменить одежды цвет.**

Лидия Карнуп

*** * ***

**Возможно, жизнь на вкус - как банка леденцов.
И самый кислый вкус, по-моему, у злобы,
Людской вражды и грязи, где микробы
Похожи на существ из детских снов.**

**А самый горький вкус- у грусти и печали;
И слез, что льет возлюбленная мать...
И боли, что порой не замечают,
А ты не знаешь, как и передать.**

**А самый сладкий... Ну же! Отгадали?
Конечно, самый сладкий - у Любви.
Бывают, что ее не понимают.
А ведь могли бы, если бы... Могли!**

**Да, жизнь похожа на большую банку,
В которой перемешаны мечты,
Мгновения. И, честно, наизнанку.
Да так, что не поймёшь ни я, ни ты.**

Лидия Карнуп

ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ МИНУТЫ ПУТИ

Каждый день любого года,
Несмотря на снег, грозу, жару,
Выхожу усталый я из перехода
Чтоб прибыть сюда, но завтра, поутру.

И после «Ласточки» красивой, хоть и людной,
И после «Иволги», в которую всегда мне радостно войти,
Ждут тебя в преисподней абсолютной
Тридцать четыре последние минуты пути.

И вот стоишь ты в тамбуре грязном,.
И тебе повезёт, если он не будет вонять.
Ты смотришь в окно, и сердце в чувстве неясном
Захлёбывается не снова, но опять.

За запылённым страшным окном,
За которым ожидаешь увидеть лишь граффити,
Просыпается память о крае родном
От красот, которых нет ни во Франции, ни на Крите.

И ты стоишь, шатаясь от движения,
Пока слеза дождя течёт по надписи «не прислоняться».
И не смотришь ты на своё бледное отражение,
А на леса, в которых лицо твоё продолжает растворяться.

А там вдали продолжает течь река,
Там птицы спрятались от грозных тёмных туч,
А на деревьях не осталось непромокшего листка,
И влажный свежий воздух всё более пахуч.

И бескрайние поля открываются временами,
И овраги изредка рассекают тот рельеф.
И виды эти зовутся многими именами,
И каждое такое поётся нараспев.

И ты стоишь у стёкол запотевших,
И ты не можешь ни на шаг назад отойти,
И вспоминаешь с радостью о тех мудрейших,
Кто дал тебе тридцать четыре минуты пути.

Дмитрий Элементов

Беспокойно на пыльной квартире
Книги, лампа, очешник неброский
Словно банка дырявая в тире.
Здесь живёт Лев Давыдович Троцкий.

Солнце скрылось, но жарок вечер.
Стиль статьи поверхностный грубый.
Гость - певец Революции вечной,
Но зачем он пришёл с ледорубом?

Беспокойно в сырых казематах
Смертник бел, как впадающий в кому,
А ведь он управлял наркомадом
Председателем был исполкома!

Голощёкин, Сафаров, Дидковский,
Остальные расстреляны тоже.
Сам представился только Юровский
На больничном ухоженном ложе.

Беспокойно в баварской столице
Затаился герой, как пантера...
Выстрел. Страх у прохожих на лицах,
Нет лица у Степана Бандеры

Пощадит ли цианистый калий?
Нет. Проводит до стен преисподни.
Ворота в переплавленных скалах
Вылезает змеёныш из под них.

Печи, уголь, три зубчика - вилы
Люцифер план придумал прекрасный,
Чтобы старый стервец Джугашвили
Вновь репрессии начал напрасно.

Ленинисты крест предали святой
На цепи, цербер бешено лает,
Сталин их глубоко в круг девятый,
Как когда-то в ГУЛАГ ссылает.

А на небе седьмом высочайшем
Изучает цветочки Вавилов.
Кулаки из фарфоровых чашек
Пьют чай и ждут новых приливов...

Фёдор Лягушкин

В лесу дремучем, мёртвой тишиной
Потоком ядовитого металла
Из богатырской кости теменной
Река, мрачнее мрачных, вытекала

Когда-то добрый витязь, светлый князь
Здесь лёг уснув, навечно позабытый
О том из странных черт немая вязь
Насечена на камне перебитом

Когда-то чёрной злобою кипя
Здесь танцевали ведьмы и шептухи
Багровой кровью руки окропя
Чинили всеям беды и прорухи

Изгнали их премудрые волхвы
И с тёмных тех времён по сию пору
Дубы могучие надёжнее, чем рвы
Хранят от колдунов крутую гору

Но под колодой страшной и смурной
Как прежде, бьёт ключом поток свинцовый
Сокрыты тени злачной муравой
Кричит, кричит хвалу, удот с венцом, им.

Фёдор Лягушкин

КНИЖНЫЙ КЛУБ БОБЫ

«Гамаюн» является партнёром «Книжного клуба Бобы», главный редактор альманаха, Алексей Иванов, является одним из участников книжного клуба и рекомендует всем ознакомиться с интересной инициативой, а также призывает читать много, читать полезную литературу и, самое главное, не в одиночку!

Всех приветствую!

Меня зовут Марат и я решил создать книжный клуб. В определенный момент я осознал, что хочу читать и на самом деле я ждал этого момента. Сразу скажу, что я не являюсь преподавателем, культурологом, литературоведом и тому подобное, я просто человек, который захотел стать умнее и разностороннее.

Почему именно книжный клуб? Ведь я мог просто начать читать один.

- личная мотивация читать и не забрасывать
- люблю объединять людей, дарить им эмоции
- личностный рост всех участников клуба

Философия клуба:

Недавно прочитал статью о том, что люди вступают в книжные клубы не потому что знают чего хотят, а потому что что-то ищут: новые знакомства, хобби, время проведение. Это действительно так, они выполняют важную роль

для общества в целом. Как организатор, я могу определять направление клуба и его настроение. Я хочу собрать комьюнити, где каждый сможет найти для себя некую отдушину и стать частью семьи. Комьюнити, где каждый может высказать свое мнение и быть услышанным.

В клубе нет ограничений по возрасту и полу участников. Максимально старайтесь быть активным участником, полностью и регулярно читайте книги, сделайте это полноценной частью своей жизни.

Как устроен клуб:

Каждый месяц выбирается новая книга для чтения. У меня есть общий список книг, которые хотели бы прочитать участники. Выбираю книгу рандомайзером. Также могу назначить книгу сам. В основном затрагиваем классику, детективы, романы, также будет встречаться современная литература и фэнтези.

В конце месяца назначаем дату встречи, пока что они проходят в онлайн формате, но по мере роста клуба я планирую разделять встречи на два потока (онлайн и оффлайн), это позволит большему числу участников побывать на встрече. К каждой встрече я готовлюсь индивидуально. Вначале встреч просто общаемся, затем плавно приступаем к сути. Сначала я объявляю правила встречи,

кратко рассказываю о биографии автора и интересных фактах его жизни, о времени написания произведения. Все это дает большее понимание самого произведения. После мы приступаем к книге. Обсуждаем главных героев, интересные сюжетные повороты и тп.

Правила встреч:

- внимательно слушать друг друга и не перебивать
- уважать чужое мнение и не переходить на личности
- наслаждаться процессом

После встречи каждый член клуба может написать и выложить в беседу клуба отзыв о прочитанной книге. Я назначаю дедлайн, после которого отзывы не принимаются. Затем общим голосованием или моим личным выбором определяется участник лучшего отзыва.

Я дарю ему книгу (отправляю по почте или вручаю лично). Подарочная книга может быть совершенно любой, от той же художественной литературы до чьей-нибудь биографии. Момент, который стоит уточнить. Один участник не может выиграть два месяца подряд. Но все же старайтесь быть активными всегда)

Каждые 3-4 месяца, чтобы никто не уставал от клуба, я придумал некую разгрузку в виде произвольного чте-

ния. В этот месяц каждый читает, что хочет, либо вообще не читает. Может быть, кто-то давно хотел прочитать книгу, которую вряд ли прочитаем в рамках клуба, но никак не мог найти время. А может быть кто-то не против отдохнуть от чтения в принципе.

Фонд клуба:

Сбор с члена клуба от 199р/месяц.

Зачем он нужен:

- Для организации встреч
- Для лучших подарков вам
- Для жизнедеятельности клуба в целом
- Для мотивации быть активными

Из месяца в месяц я стараюсь развивать клуб, покупаю интересные книги для вас. Впереди ещё много планов, которые хотелось бы реализовать и на

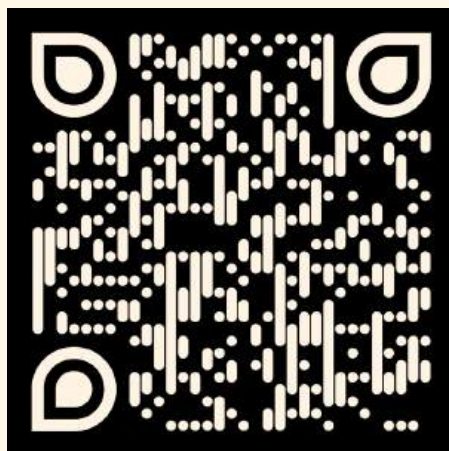
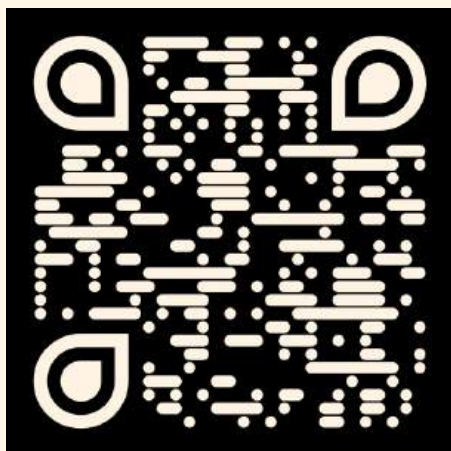
это всё нужны средства. Не хочу, чтобы проект был волонтерским. Я вкладываю свои силы, средства и время в это. Все средства пойдут на развитие проекта, цели заработать на этом нет.

Планы:

- Разделение встреч на два потока(оффлайн и онлайн), чтобы каждый смог участвовать,как ему удобно
- Совместный просмотр фильмов и последующее их обсуждение
- Чтение пьес по ролям
- Напитки и еда

Пожалуй, я рассказал все. Надеюсь, вы прочитали статью до конца.

Если вам все понравилось,то буду рад видеть в нашей семье.

A vibrant blue pencil with orange rings and a curved orange handle stands upright in an open notebook. The scene is set in a forest with falling autumn leaves, creating a magical and artistic atmosphere. The pencil is positioned vertically, with its tip resting on the pages of the notebook. The background features a soft-focus forest with tall trees and a ground covered in fallen leaves. The lighting is warm and golden, suggesting a late afternoon or early morning setting. The overall composition is balanced and visually appealing, with the pencil as the central focus.

ПРО ЗАИК

«МОЙ ВНУТРЕННИЙ ДОМ»

Тамара Ванина

Мой дом... Мой внутренний дом. Если честно, сейчас, вот именно в тот момент, в который я это пишу, мой дом выглядит внутри, наверное, как только что перевёрнутый вверх дном, перебитый, развороченный на изнанку. Такой беспорядок, такой хаос даже представить трудно. Нет, это не хаос. Ведь чтобы устроить хаос, нужно место, в котором его устраивать. А сейчас у меня такая разруха, что там просто нет дома. Беспорядок не в чем устраивать. Я не буду писать, почему так. Во-первых, это слишком личное, а во-вторых, даже если бы я написала, то по размеру вышел бы трёхтомник, там слишком много всего, что нужно было бы писать для полного понимания.

Но несколько часов назад я собиралась написать нечто другое. То, что в моей душе бывает чаще, обычно. И, надеюсь, и будет после постройки нового дома.

Я хотела написать про небольшой, уютный дом. С кухней и т. п. Так как сейчас зима, он с заснеженной крышей, с припорошёнными окнами, с узорами на стёклах от мороза. Но это только снаружи. Внутри стоит камин, а на противоположной стороне – диван. Уютный, мягкий, большой. С несколькими тёплыми пледами. Тоже очень мягкими и приятными. В которые можно укутаться и моментально согреться.

Рядом с диваном – столик. Для кружек кофе, чая или еды. Да мало ли для чего, надёжный столик всегда пригодится. Конечно, в комнате есть полки с книгами, разные шкафы для разных вещей. Кажется, их будет много, но нет. Просто слово «шкафы» сбивает с толку.

В прихожей лежит коврик. Много вешалок. А вдруг много гостей. Но моим любимым местом всё-таки будет диван. С пледами, одеялами, подушками.

Нужно описать вещи, которые бы отражали мой внутренний мир, но я не могу. Потому что основным в моём доме являются те, кто сидит на этом диване, кто находится в доме. Друзья, греющиеся в пледах и пьющие чай. Родные, рассказывающие о своей жизни. Любые тёплые встречи мне нравятся. Но самое тёплое для моего домика другое...

Мы. Вдвоём. В обнимку.

Мы укрыты самым большим, мягким пледом, сидим на этом диване. Возможно, о чём-то говорим, или говорили, или будем говорить. Возможно, мы пили чай, или будем... или не чай... не важно. Вот эти минуты, эти моменты, когда мы просто прижались друг к другу. И наши объятия теплее, чем камин с огнём.

Я уткнулась в его шею носом. Он прижал мою голову своей. Я слышу его дыхание, он – чувствует моё. Целует меня в ушко. Я его в шею. И прижимаюсь к его плечу, он зарывается в мои волосы. И так хоть вечность. Никогда не отпущу. Чувствую его запах, хоть и не знаю, какой он, но подсознательно чувствую, инстинктивно, поэтому и утыкаюсь носиком в него. Наверное, и у него то же самое... Почему наверное? Точно! Так же! Ему так же хочется чувствовать меня! Какими только можно способами. Также не хочется меня отпускать. Также навечно! Вот так, сидеть на диване, поджавши ноги под тёплый плед, огромный, на нас двоих.

Думаю, это отражает мой внутренний мир. Он бывает разный, и сейчас я описала две крайности. Одна из них периодически становится явной – первая. К сожалению, такая бывает почти у всех хоть раз в жизни. Я после начинаю что-то строить. Иногда не получается, всё рушиться, не успев построится. Иногда выходит замечательно, и дом стоит долго.

Но вот вторая крайность – это то, чего у меня не было никогда. Он и я. Никогда. Но я очень этого хочу. Хочу, чтобы когда-нибудь этот мой внутренний мир, который всегда внутри меня (и, кстати, иногда именно он является опорой для всего дома) стал реальностью, а не только оставался внутренним миром. И иногда этого так хочется, что, стараясь вырваться наружу, чтобы воплотиться в жизнь, эта картина вырывается (наверное) слишком яростно. И вытесняет изнутри слёзы, голос, и что-то ещё... наверное. Но никогда при этом не разрушает тот самый внутренний дом со всем его содержимым. Она вырывается через его окна, чердачное окно, трубу, но не задевает ничего. Вырывается, а потом рисуется заново. И опять греет меня.

Так что не думайте, сейчас такая разруха, о которой я говорила вначале, не из-за последней картины. Там много других причин. Но это, как уже давно принято говорить в конце различных произведений, уже совсем другая история.

P.S. Во мне борются практичность и лиричность. Я могла бы описать все детали дома досконально. Стиральная машинка, цвет вешалок, расположение книжек на каждой полке и даже их названия... Но иногда так хочется плюнуть на всё это... Я столько была точной до мело-

чей! Это всё здорово, я ничего не говорю. Оно всё есть и пусть оно всё будет. Но без того, что я описала в основном тексте, про него ... и плед, вся точность, вся практичность, вся выверенность деталей летит к чёрту. Без него и порядок, и балаган будут безразличны. У меня никого нет в реальной жизни. Но он есть внутри. Я не знаю, как это объяснить. Я только знаю, что без него... ничего нет.

автор дизайна персонажа:
lev supov

Один день Цуоки Чаннери

Иван Ильин,

РАНХиГС

Девушка бежала по узким резным коридорам Храма Просветления. Стены святилища, в которых она не бывала с раннего детства, теперь, сжимались вокруг нее. Вырезанные в них скульптуры божеств, духов и просветленных надвигались, требовали, чтобы она остановилась. Свечи в их руках, лапах и хвостах развевались языками пламени. Девушке казалось, будто деревянная конструкция храма срывается вокруг нее, и страх быть сдавленной мотивировал бежать вперед. Ее вел едва заметный за привычным светом свеч луч зеленого света в конце коридора. Чем ближе была девушка, тем меньше он становился. Ветвистые хвосты деревянных наг постепенно закупоривали проход, стремясь закрыть манящее девушку свечение. Когда девушка была уже в шаге от выхода, проход был практически закрыт. В руках у нее была строительная кувалда. Удар за ударом она раскалывала перекрывающую путь древесину, пока мир вокруг нее не залился зеленым светом, сменившимся тьмой.

Она стояла на бескрайнем водном полотне посреди крошечной тьмы. Ее единственным источником света была далекая мерцающая зеленой Луна. На экваторе Луны зубами стояли высокие шпили небоскребов. Девушка хотела попасть туда, но башенные уста скрипились от одного ее вида. Изумрудное око небосвода отказывалось пускать ее, пока та не утолит его голод. Девушка пригнулась и вырвала из водного пространства механическую сельдь. Ее сегментированное тельце гаек, шестеренок и железных пластин тряслось в креп-

ких руках до тех пор, пока механизм окончательно не заглох. Она протянула рыбу Луне. Сельдь медленно поплыла по небосводу, пока не была жадно разжевана башенными зубами.

Лунный лик требовал еще. И снова девушка вырвала из воды трепещущую рыбку. И снова Луна поглотила механическую жизнь. И снова она была насыщенной.

Девушка собралась с силами и в третий раз спустила руки в окружающие ее темные воды. Она вырвала из воды большого заводного окуня. Шестеренки клацали в отчаянной попытке освободиться из мертвецкой хватки девушки. Она плотно обхватила рыбку обеими руками и прижала к своему телу. Даже сквозь усталость она нашла в себе силы бросить невинную улыбку в сторону Луны, надеясь на милость. Та не ответила. Зеленое око медленно поплыло по небосводу. Приближалось все ближе. Теперь девушка видела скрывавшиеся меж красивых башен злчные переулки, наполненные телами таких же синих комбинезонов, как ее собственный. В страхе за свою жизнь она побежала во тьму, расплескивая водную гладь во все стороны.

Вскоре резкий звук всплеска воды сменился на приятный шелест травы. Девушка и не заметила, как водная синева сменилась на цветочную. Она бежала через поле синих роз, красивее которых не видела никогда. Нырнув в море бутонов, она снова почувствовала себя в знакомой постели.

6:30

Цуоки Чаннери медленно открыла глаза. Ее взгляд устоялся на ободранную копию нагарджунско-полиснического словаря на краю кровати. Она снова была в ставшем привычным за два года жизни бараке. Дежурный изо всех сил стучал половником по ржавой кастрюле, призывая смену к подъему. Чаннери откинула импровизированную шторку из нескольких поношенных маек, привязанных к перилам находящейся сверху кровати соседа.

— Да встаем мы, встаем! Остановись!
— присоединилась к общему недовольному гулу Чаннери.

В переоборудованном под барак складском помещении были расставлены двадцать две двухъярусные кровати, плотно нагроможденные вдоль стен. Они оставляли меж собой совсем небольшой коридор, в котором едва ли могли разойтись два человека. Цуоки

имела одно из лучших мест – наиболее удаленное от выхода, приставленное к дальней стене. Койки Чаннери, ее соседа сверху и двух человек напротив были единственными, которые могли похвастаться окном.

Цуоки машинально почесывала правую руку все это время. Обратив наконец на это внимание, она заметила пару крохотных красных точек на запястье. Ее обуяло отвращение.

«А ведь мы совсем недавно изводили их», — подумала девушка, вспоминая, как в последний раз травили клопов промышленными химикатами. Они потом выветривались целую неделю. Одиннадцатой смене неделю пришлось спать в голых стенах пустующих площадей подземного яруса, ожидая возвращения в барак.

Девушка поднялась с кровати. Ее тело скрывала большая футболка, выигранная у мужчины с третьей койки, и относительно новые танцевальные шорты, две пары которых она удачно выменяла несколько месяцев назад. У полисных дам они уже выходили из моды, но Цуоки была не такой привередливой. Не в ее условиях то.

На вешалке, зацепленной за верхнюю ступень лестницы двухэтажной кровати, висел джинсовый комбинезон. На ступеньке ниже – черная майка. Рабочий комплект одежды содержался в хорошей форме. Вещи шили в отдельной мастерской девушки из их же диаспоры и выдавали всем за счет Благодетеля. Причем качество комбинезонов было почти идентично распространенному среди трудоустроенных рабочих-муниципиев. Благодетель не экономил на

том, что было важно для продуктивности.

Девушка влезла в увесистые ботинки, взяла лежавший под кроватью мешочек с принадлежностями первой необходимости, перекинула майку и комбинезон через плечо и встала в образовавшуюся в проходе очередь.

6:50

Двадцать минут ожидания. Цуоки слышала, что в коммунальных квартирах муниципиев приходится по одной ванной на две-три большие семьи, и очень завидовала им. Концепция ванной комнаты на одну семью из двух родителей и нескольких детей, распространенная среди граждан Полиса, и вовсе казалась чем-то нереальным. Цуоки Чаннери жила в реальности, где на одном этаже проживало шесть бригад, почти 250 человек. На такую армию приходилась дюжина душевых кабинок. Впрочем, это уже был прогресс. Когда Чаннери только переехала в Полис, у них был один большой общий душ на весь этаж. Девушке приходилось каждое утро спускаться на другой этаж, чтобы мыться со швеями. Со временем они соорудили подобие душевых кабинок, и стало возможным ходить в душ на своем этаже. Но очередь была невыносимой.

Вот и сейчас спасало только то, что только половина бригад этажа работала в первую смену. Также кто-то вставал раньше остальных, чтобы помыться до возникновения очереди и вступления в силу правила трех минут. Утром еще было не так плохо. Большая часть предпочитала мыться вечером, поэтому тогда очередь была невыносимой. Чаннери давно рассудила, что раз у нее хорошая

рабочая одежда и отвратительная кровать, то мыться следовало утром. Когда в одежде чище, чем в кровати, мыться перед сном казалось расточительством. Девушка заперла кабинку и повесила свои вещи на крючок. Из мешка Чаннери достала тряпку, некогда бывшую футболкой, и расстелила ее на полу. Цуоки вылезла из ботинок и встала обеими ногами на эту тряпку. Ее размер едва позволял стоять, не прикасаясь к холодному полу, но лучше так, чем сразу на пол. Вспышка грибка давно научила их общину правилам безопасности в душе. Сняв свою широкую спальную футболку и бросив ее на крюк, девушка повернула вентиль самодельного душа и дрогнула от струи ледяной воды.

Цуоки Чаннери сидела на жестком коврикe у низкого стола. В бывшем складском павильоне расположилась импровизированная столовая. Большую часть зала занимали столы. Каждая смена имела свой большой стол, в котором было достаточно свободного места, чтобы посадить женщин и детей цеховиков. Люди с разных столов почти не общались между собой. Родители говорили, что раскол их народа начался задолго до Великой дизельной войны, но именно после прихода иностранных армий нагарджунцы пошли друг против друга. После войны магистрат каждой провинции правил, словно сам себе хозяин, а взаимодействие между регионами свелось к конфликтам коалиций стремительно формировавшихся триад.

Миллионы нагарджунцев разъехались по всему миру. Большая часть, включая Цуоки Чаннери устремилась за лучшей жизнью в Альянс Полисов. Но, даже

проживая под одной крышей, говоря на одном языке и исповедуя одну религию, нагарджунцы продолжали ненавидеть друг друга по принадлежности к определенным провинциям, отказывались даже сидеть за одним столом.

На столе стоял скудный ассортимент продуктов, который смена могла позволить себе на общий бюджет. В основном стол занимали кастрюли с вареной картошкой с луком. Это был уже пятый день картошки с луком подряд. И ее даже нельзя было пожарить, потому что с маслом дела обстояли совсем скудно. Были также паровые булочки, немного яиц и бобы. Хотя бы на ужин ожидалась лапша, пусть курицы там только на детей и хватит. Столь привычный для водных полей Нагарджуна рис был в Полисе продуктом импортным и непозволительным для бедных. Со специями дела обстояли еще хуже. Сама Чаннери была несколько удачливее своих сосменщиков. Переработки и подработки, а также одолжения и услуги принесли ей определенную по-

душку безопасности. Вот и сейчас на ее тарелке по соседству с двумя яйцами и горкой бобов лежала болезненно-розовая сосиска от парня из пятой смены. Девушка могла бы питаться и одеваться куда лучше, как делал тот же Чанчу Питчая, сидевший напротив нее и жадно поедавший содержимое консервной банки с синей розой на этикетке. Просто Цуоки пыталась экономить.

Чаннери оторвала глаза от лежавшей перед ее тарелкой рабочей тетради по полисному языку. За столом сидели десятки человек, но Цуоки интересовали лишь несколько окружающих. По обе стороны от нее сидели Тханакорн Тханатип и Пумпрасорт Сомчай, ее близкие друзья. Они познакомились в трюме торгового судна «Морской змей», что перевез их Полис Архаис. С тех пор они были неразлучны. Напротив сидели их другие товарищи – Сомбунлап Лек, Суванна Ваттана и основной беженосец их маленькой команды в лице Чанчу Питчая.

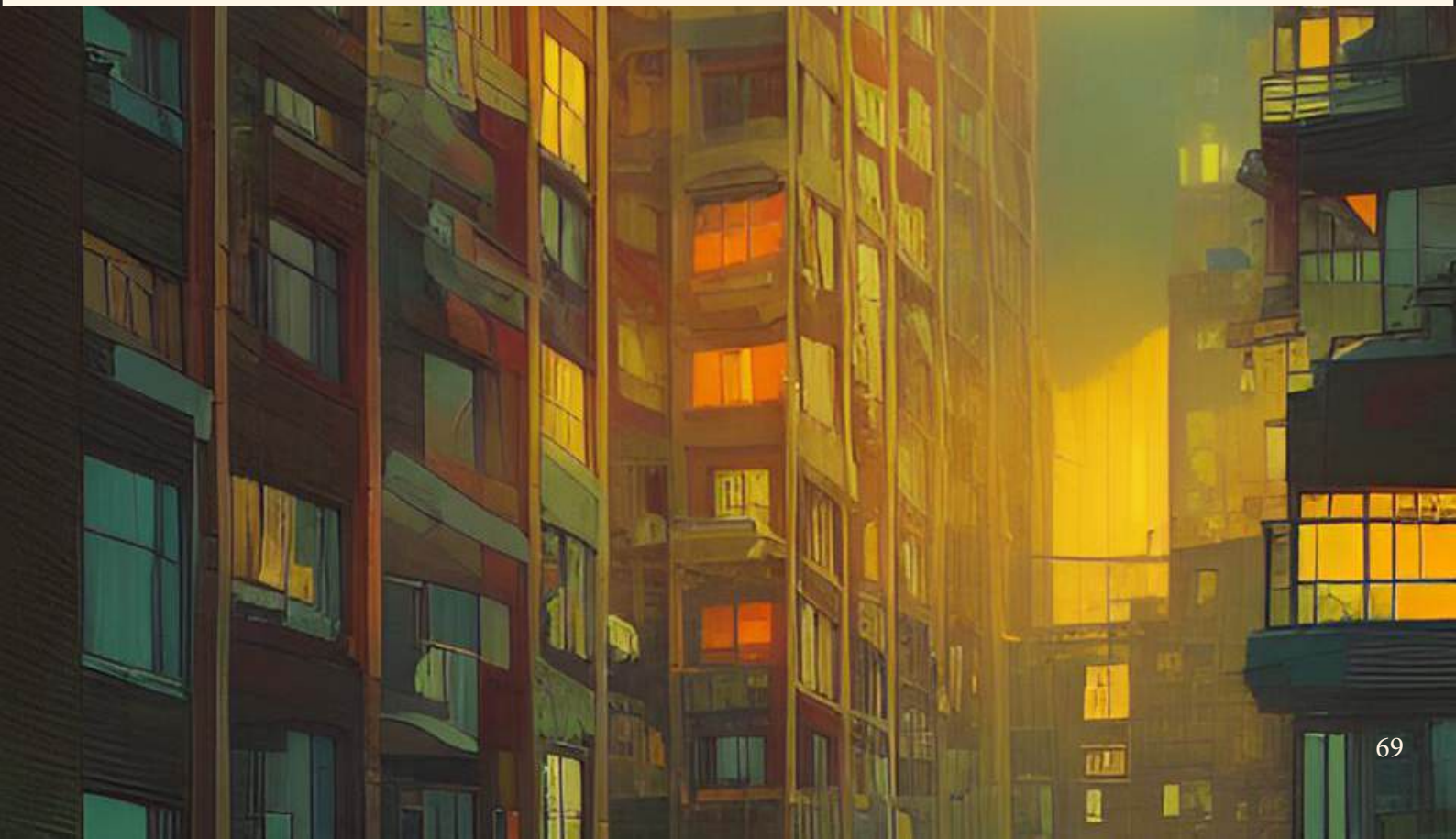
— Питчая, — назвала его по имени девушка, — Ты же знаешь, что с тобой бывает после сгущенного молока. Помнишь прошлый раз?

— Это же настоящий деликатес, пи Цуоки, — ответил парень. Чаннери была на три месяца старше, поэтому к ней он использовал почтительное обращение «пи». Девушка же пыталась избавиться от обращений по типу «пи» и «кхун», совсем не свойственных полисному языку. Даже если получала за это косые взгляды от старших. Она понимала их позицию, но считала, что в Полисе надо общаться по-полисному.

— Все будет хорошо, в этот раз точно, — уверял ее юноша.

«Не будет», — подсказывал девушке внутренний голос.

Она чувствовала, что в этот раз ему будет даже хуже, что у него уйдет несколько дней на то, чтобы оправиться. А это приведет к последствиям, куда

более страшным, чем проблемы с животом. Девушка с татуировкой наги нервно наматывала маленькую косичку вокруг пальца, смотря в пренебрежительные карие глаза своего товарища.

Без Питчая на линии Пумпрасорт в одиночку проверяет партию новых «шайб» электроприемников.

Он пропускает две. Не одну и не три, а две бракованные «шайбы». Ящик с «шайбами» контрабандой плывет через океан в трюме корабля. Северонагарджунский бизнесмен жмет члену триады руку. Ящик стоит в красивом саду цветущей сакуры. «Шайбу пытаются подключить к энергоблоку. Сакура объята пламенем.

Удар. За взрывом из будущего последовал удар из настоящего. Цуоки Чаннери сорвалась и выбила банку сгущенки из рук опешившего Питчая.

— Ты чего, пи Цуоки? – неприятно удивился Чанчу Питчая, рассматривая растекающуюся по столу сгущенку, — Завидуешь что ли? Ты могла бы питаться так же, если бы не отдала все накопления кхун Вонграту.

— Я делала взнос на получение паспорта! И мы сейчас не обо мне! Ты снова отравишься и подставишь смену!

Комментарий Чанчу Питчая задел девушку. Знал ведь, что она работала не покладая рук на муниципальный паспорт. Она наконец принесла главе диаспоры деньги. Вонграт Прик забрал их, чтобы передать взятку паспортному столу, а спустя неделю вернулся и сообщил, что инфляция съела деньги, и нужно заработать еще. Некоторые в их бригаде уже годами боролись с

инфляцией, занося главе диаспоры новые и новые свертки с деньгами. Внутреннее чутье подсказывало Цуоки, что с ней будет точно так же, но она не теряла оптимизм. Она была одной из лучших в их бригаде, скоро надбавку дадут.

8:18

Девушка медленно накручивала на палец свою тонкую косичку. Вокруг была практически беспросветная тьма, а в нос пробивался стойкий запах пота. Было темно, тесно и жарко. Но Цуоки Чаннери привыкла. Так их и перевозили на работу. Не каждый день. Бывали и дни, когда их бригаду или отдельных ее членов отправляли работать на вполне легальные предприятия подменять заболевших сотрудников или бастовавшие во время очередной стачки смены. Чаннери уже бывала грузчиком, упаковщиком, строителем и конечно же механиком. Но сегодня бригаду везли на привычное и столь нелюбимое всеми место работы – производство контрафактных энергоприемников. Этот бизнес держал сам Благодетель, и, как все уже понимали, он обеспечивал завоз нагарджунцев в Полис именно для работы на этом предприятии.

Бригаду везли по городу в трех черных грузовиках, грубо приспособленных под перевоз людей. Хотя и перевозкой по городу это было назвать сложно. Насколько знала Цуоки, они выезжали из промышленного дистрикта Полиса, просто ехали на окраины муниципальных районов. Они тянулись на километры между горами,

и чем дальше удалялись от разделявшего город на гражданский и муниципальный промышленного дистрикта, тем слабее становился жандармский контроль. Рабочие не знали локации точек, эта честь принадлежала охранникам, работающим напрямую на главу диаспоры, а также водителям из числа муниципиев. В грузовике они были как в клетке, поскольку стальные двери открывались только снаружи. Но многое они могли понять по перепадам высоты и качеству дорожного полотна.

Грузовик остановился. Вскоре открылись и стальные двери, и девушка на миг закрыла глаза от ослепляющего света. На подземной парковке, куда их привезли, свет был не таким ярким, как могло показаться, но, после получаса катания в консервной банке, и он ослеплял.

Щурившись, девушка вышла из кузова вслед за бригадиром Сухамонгконом Апхиччатапхонгом. За ними вышли и остальные. Из двух других грузовиков также выпрыгивали их сосменщики. Парковка выглядела иначе, чем Чаннери привыкла. За более чем год работы с контрафактом Цуоки отработала на трех разных точках. Это, по-видимому, была четвертая. Толпу рабочих встретили вооруженные люди. Такие же нагарджунцы, как они сами, но имеющие муниципальные паспорта. Они также приехали нелегалами, но заслужили себе позицию охранников контрафактных объектов. Большинство из них были бывшими членами триад или провинциальных армий. Семеро высоких закаленных ветеранов диаспоры стояли в ряд как на подбор. Позади них была фигура, присутствие которой на объекте было неслыханной редкостью.

Меж расступившегося ряда охранников перед толпой рабочих возникла приземистая фигура в шляпе. Глава диаспоры Вонграт Прик носил серый костюм из хорошего ателье и много разных украшений. Его руки были усеяны кольцами, а на жилетке были закреплены аж две пары карманных часов. Вонграт Прик был связующим звеном между Благодетелем и нагарджунской диаспорой. Он переехал в Полис вскоре после Великой дизельной войны и открыл успешный ломбард. Достигнув определенной степени финансового благополучия, он стал помогать диаспоре. Это он, по собственным словам, договорился с Благодетелем, чтобы у диаспоры была постоянная работа. Это он обустроил их коммуну в старом складском здании. И, что важнее всего, это он был единственным, кто мог раздобыть муниципальные паспорта.

— Братья, как вы знаете, я с вами духовно всегда, — начал свою речь глава диаспоры, — Но сегодня я решил поддержать ваш труд собственным присутствием.

Кто-то одобрительно кивал, проглатывая каждое слово главы диаспоры, некоторые реагировали очень настороженно. Цуоки же предпочла кинуть Прику поддерживающую улыбку, даже несмотря на то, что он до сих пор не разобрался с паспортным столом муниципалитета, а накопления Цуоки остались в лимбо. Она все еще надеялась на то, что в один прекрасный день ее вызовут в ломбард Вонграта Прика и торжественно вручат ей паспорт в красно-коричневой обложке.

Некоторые друзья считали его мошенником, который ворует чужие сбережения, другие откровенно вы-

сказывались о нем с отвращением и ненавистью, например, заместитель бригадира. Цуоки же в какой-то степени восхищалась им. Если верить его собственным словам, а не доверять им веских причин не было, он приехал ни с чем и сделал себя сам. Он был их лидером, примером, символом того, что можно реализоваться. Несколько лет назад он удостоился чести стать полноправным гражданином Полиса. Это было практически невообразимым для рядового мигранта. Не с той политикой, которую вели Полисы. За последние десятилетия в Альянс Полис въехали миллионы нагарджунцев.

Лишь сотням тысяч удавалось удержаться в стране надолго и не быть депортированными. Из них лишь тысячи удостаивались муниципальных паспортов. И лишь сотни человек получили полноправное гражданство. Чаннери как-то рассказывали, что в диаспоре Полиса Архаиса было больше десяти тысяч человек, из них муниципиями стали сотни, а гражданство имели всего тринадцать человек. Среди них бывший посол Нагарджуна, его большая семья, отставной нагарджунский генерал, служивший на стороне Полисов во время Великой дизельной, и Вонграт Прик с женой и дочерьми.

— Ваш труд имеет огромное значение для всей нашей большой семьи, и я ни в коем случае его не принижаю, — продолжал глава диаспоры, — Но сегодня я прошу вас всех работать усерднее и перевыполнять план. Не должно быть ошибок и брака. Все должно быть идеально.

— С чем это связано, кхун Вонграт?
— с нотками недовольства в голосе спросил заместитель бригадира смены Вира Нават.

Нават может и на дух не переносил Прика, но все же выказывал ему должные по статусу почести, заключающиеся в первую очередь в использовании почтительного «кхун».

— Благодетель приедет сегодня. Точное время не знаю, и буду находиться с вами до самого его отъезда. Мы на новой площадке, и он хочет осмотреть продуктивность цеха лично. Все должно быть идеально.

12:30

Цуоки была опытным механиком. За свое время работы в контрафактных цехах она успела опробовать все этапы работы. Она выплавляла детали за станком, паяла начинку за рабочим столом, проверяла качество товара перед погрузкой. Ее основным делом

былаковка корпусов энергоприемников, так называемых «шайб». Как девушке говорили, жителям Полиса энергоприемники напоминали о шайбах из распространенной в северных регионах спортивной игры, отсюда и прозвище. Лицензионные «шайбы», конечно, выглядели иначе. Они сверкали гладко отполированной черной сталью, на них красовался логотип Центра энергетики Пол. Архаиза и конечно же серийный номер. У грязно-черных болванок, что ковала Цуоки, не было ни шарма, ни элегантности официального продукта. Не говоря уже о том, что производили цеховики очень устаревшую модель.

Чаннери стояла за ковочным молотом. Позади гудела сочившаяся жаром и паром плавильная машина. С машины раскаленные стальные формы попадали на конвейер, с которого клещами их подцеплял и доставлял к ковочному молоту Суванна Ваттана. Дальше работа была за зоркими глазами и натренированными руками Цуоки Чаннери.

Станковый молот отбивал форму до нужной кондиции сам. Работа девушки заключалась в том, чтобы регулировать мощность машины, а также с помощью увесистых стальных клещей следить за тем, чтобы формочка оставалась в центре ковочной платформы. На вид просто: стоишь у машины, смотришь, поправляешь, затем готовый продукт закидываешь в чан с водой. В реальности же работа была очень сложной и неблагодарной. Двенадцать часов на ногах у сильно нагревающейся машины и раскаленных до красноты болванок. Отдельную трудность представляли большие и тяжелые клещи, которыми девушка была вынуждена в течение всего дня удерживать болванки

на положенном им месте.

Одна из причин, почему Цуоки так держалась за эту работу, так это стойкое чувство ностальгии. Она была совсем маленькой девочкой, когда ее отец ковал кухонную утварь для жителей деревни. До войны он был кузнецом, уважаемым в деревне человеком. Четыре года современной индустриальной войны сделали его механиком. А механиков в послевоенные годы в их глубинке не любили. В Нагарджуне собирали корпуса для полисной техники. Корпуса везли в Полисы, где на них устанавливали энергопринимающие «шайбы». Готовая техника Полис легально не покидала. Вместо этого Благодетели делали контрафактные «шайбы» и вывозили. Механики в послевоенном Нагарджуне стали связующим звеном. Зажиточные крестьяне и горожане скупали корпуса автомобилей с заводов и шли к механикам, чтобы устанавливать «шайбы». Башни для подзарядки то были по всей стране – наследие предшествовавших Войне инфраструктурных проектов. А вот те, кто победнее, то есть подавляющее большинство, механиков не любили. Изменение отношения людей к отцу происходило прямо на глазах Цуоки. Ребенок Чаннери помнила добрые улыбки жителей деревни, подросток Чаннери – их презрительные взгляды. По крайней мере до тех пор, пока та не получила татуировку наги.

Всеобщее презрение закончилось тем, что ее родителям в трудный час никто не помог. Когда за ними пришли из триады, все просто отвернулись. Они потом оправдывались страхом. Цуоки же чувствовала, что они считали это заслуженным наказанием для семьи, которая обслуживала оторванные от родной земли локаль-

ные элиты. Что самое обидное, так это то, что ее родители всегда любили деревню и ее ценности.

Цуоки Чаннери же рискнула и теперь шла за своей мечтой. Она собиралась заполучить муниципальный паспорт, снять для себя и своей команды коммуналку и трудоустроиться легально. Она и глазом моргнуть не успеет, как откроет собственную автомастерскую. Название девушка еще не придумала, но точно знала, что на вывеске будет красоваться аналогичная ее татуировке нага.

17:40

Это болванка выходила наиболее неудачной. Даже автоматический молот не справлялся с ее закалкой. По-хорошему, надо было скинуть ее в брак и заняться следующей, но Вонграт Прик дал четкие указания относительно брака. Правда, он же дал и четкие указания относительно скорости производства. Он же сам с умным видом сейчас и ходил по производственному цеху. Весь день всех донимал и наставлял. Сбивал тем самым темп всей смены. Цуоки старалась игнорировать поток его советов. Понимала, что он и сам нервничает в присутствии Благодетеля, который приехал и теперь ходил по узкому мостику над цехом.

Цуоки не решалась поднять голову, чтобы посмотреть на него.

— Парень, что у тебя там происходит! — выкрикнул из-за спины Цуоки Чаннери глава диаспоры.

Цуоки продолжала бороться с неспособным подковать болванку станковым молотом. Она даже не заметила, что Прик назвал ее парень и, по-видимому, вообще не помнил ее, хотя она

совсем недавно отдала ему деньги на покупку паспорта. Станковый молот начал сильно перегреваться, и Цуоки, не обращая внимания на гневные возгласы Вонграта, пыталась его отключить.

— Сплав оказался слишком прочным! Станок перегревается! Надо отключать!

— Не смей останавливать линию!

Было поздно, Цуоки повернула рубильник, и отключила свой рабочий станок. В других частях цеха продолжала кипеть работа, но ее рабочая линия остановилась.

— Да как ты смеешь! Ты...ты...

Виграт Прик не успел закончить, как его оборвал исходящий сверху пугающе тихий и прокурено-хриплый голос Благодетеля.

— И их я ввожу из-за моря, Прик?

— Месье Левиафан! Наш Благодетель, это больше не повторится! — жалобно простонал глава диаспоры. Чаннери еще никогда не видела его таким жалким. Он побелел словно мел, и в его глазах царило царство ужаса.

Цуоки медленно подняла голову. На мостике в нескольких метрах от нее стоял человек. Его изумрудный глаз был направлен прямо на главу диас-

поры, словно сама девушка никогда не существовала.

Левиафан. Он был главой одноименного клана полисной мафии, покровительствующего диаспоре. Без него Чаннери не стояла бы сейчас в городе своей мечты. Она должна быть благодарна. Но дрожь в коленях девушки свидетельствовала не о благодарности, а о страхе.

Отвернись.

Отвернись.

Отвернись.

Чаннери игнорировала назойливый внутренний голос. Она не могла оторвать взор от мерцающего ока Левиафана. Цуоки слышала байки, но одно дело слышать, а другое видеть воочию. Левиафан лишился глаза много лет назад при загадочных обстоятельствах.

Одни говорили, что его выколол более могущественный мафиози, находящийся в тени преступного мира, другие полагали, что Левиафан сделала это сам в рамках некоего оккультного ритуала.

Вне зависимости от того, какая история достоверна, один факт присутствовал во всех версиях байки, и Чаннери смотрела на него своими напуганными глазами. Левую глазницу мужчины заполнял большой изумруд. Он отсвечивал на свету, придавая осунувшемуся лицу старика зеленоватый оттенок. Его серо-седые волосы были уложены словно два рога. Мужчина был одет в приталенный черно-зеленый костюм. На его шее висела золотая ромбовидная медаль с открытым глазом, обьатым

остроконечным лучами.

Прик продолжал что-то говорить. Господин Левиафан будто бы и сам не обращал внимание на его раболопный лепет. С незаинтересованным выражением лица он развернулся и дошел до лестницы, которая вела на первый этаж цеха.

Глаза девушки двигались вслед за тонкой фигурой, спускавшейся в цех. Когда Благодетель был уже в десятке шагов от станка, Вограт Прик и Цуоки Чаннери машинально склонились в низком поклоне. Оба одинаково сильно боялись взора его изумрудного глаза.

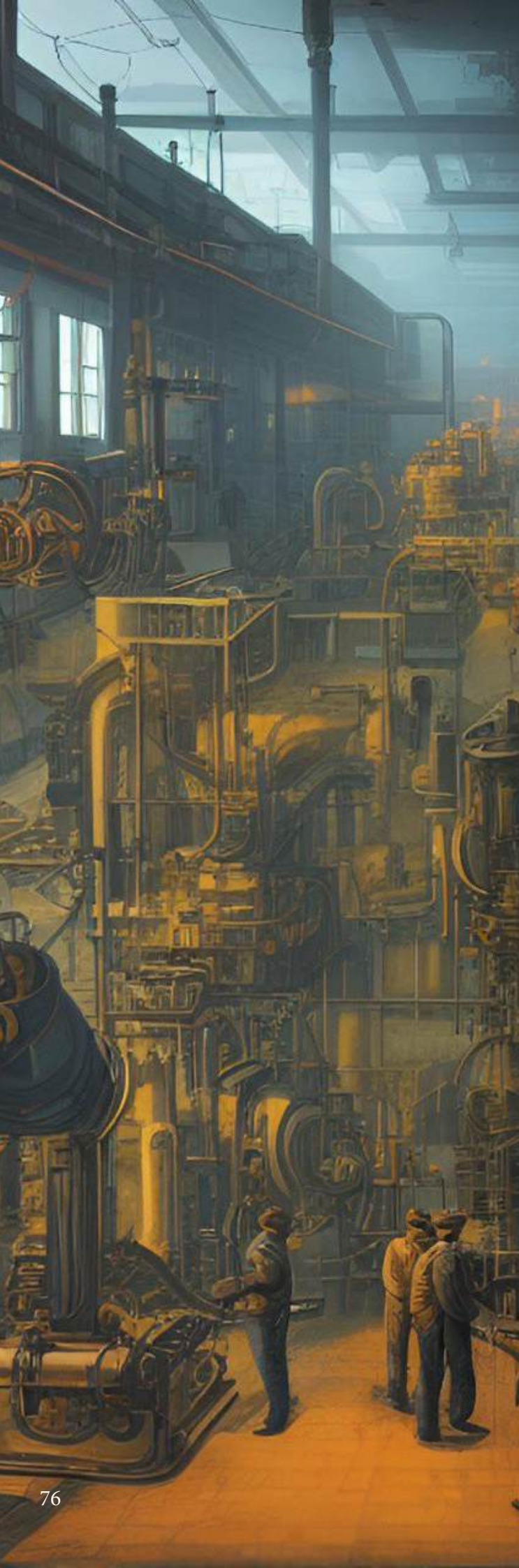
— Это твоя вина, девочка? — тихо произнес Левиафан.

Глава мафиозного клана был проныцателен. Сразу разглядел ее женственность. В отличие от Вонграта Прика.

— Прошу прощения, Благодетель, — начала оправдываться Чаннери, — Болванка вышла... Плохой, станковый молот не справился и перегрелся.

Девушка надеялась на милость со стороны Левиафана. И, если уж ее решат наказать, то лучше физически, чем штрафом. Удары она умела выдерживать хорошо. Бригадир Сухамонгкона любил ее как младшую сестру, но за косяки от него можно было и получить. И Чаннери получала. Но синяки было терпеть намного легче, чем жуткое урчание в животе. У девушки, конечно, была подушка безопасности из пары должников, но в случае серьезного штрафа ее это едва спасет.

Однако чутье подсказывало, что люди

вроде Левиафана прибегают к более летальным наказаниям.

— Книгу. Все в цеху понимали, о какой книге идет речь. Отдельные специалисты из числа людей главы диаспоры вели четкий учет работы над продукцией на всех ее этапах. В учетной книге указывалось время прохождения компонентов «шайбы» через рабочие места разных специалистов.

Неприметный черный журнал Левиафану поднес столь же неприметный низкорослый мафиози. Левиафан переложил свою трость под мышку и принялся изучать содержимое журнала.

— Имя? – не отрываясь от книги спросил Левиафан.

— Цуоки Чаннери, Благодетель, — тихо ответила девушка, ее глаза плотно уткнулись в собственное напуганное отражение в отполированных туфлях Левиафана.

Старик скрупулезно просматривал страницы журнала. Чаннери казалось, будто время вокруг нее замерло и шло невыносимо медленно. Со лба согнувшейся в поклоне девушки на пол медленно стекали капли пота. Цуоки все же надеялась на лучшее. Она старалась, всегда перевыполняла план. До конца рабочего дня было еще несколько часов, а их линия план уже выполнила. Благодетель должен был заметить.

Девушка очень хотела взглянуть на свою левую руку, но поклон не позволял. На ее запястье были вытатуированы мантры. Распространенная практика, почти у всех в смене были аналогичные. Ее мантры учили сосредоточенности и ду-

ховной связи. Как же она хотела прочитывать их в этот момент.

— Хорошая производительность, живи пока, девочка, — коротко произнес

мужчина, возвращая журнал в руки не приметного подручного.

Девушка облегченно выдохнула. Ее мечтам и амбициям не суждено оборваться в сей день. Она еще повоюет за свое место под солнцем.

— Прик, — переключился на главу диаспоры мафиози, — Я ожидаю от твоих людей той же производительности, что сегодня. Иначе не уверен, что смогу защищать вашу диаспору.

— Я могу возвращаться к работе, господин? — кротко произнесла Цуоки, поднимаясь из поклона, но стараясь не смотреть Левиафану в глаза.

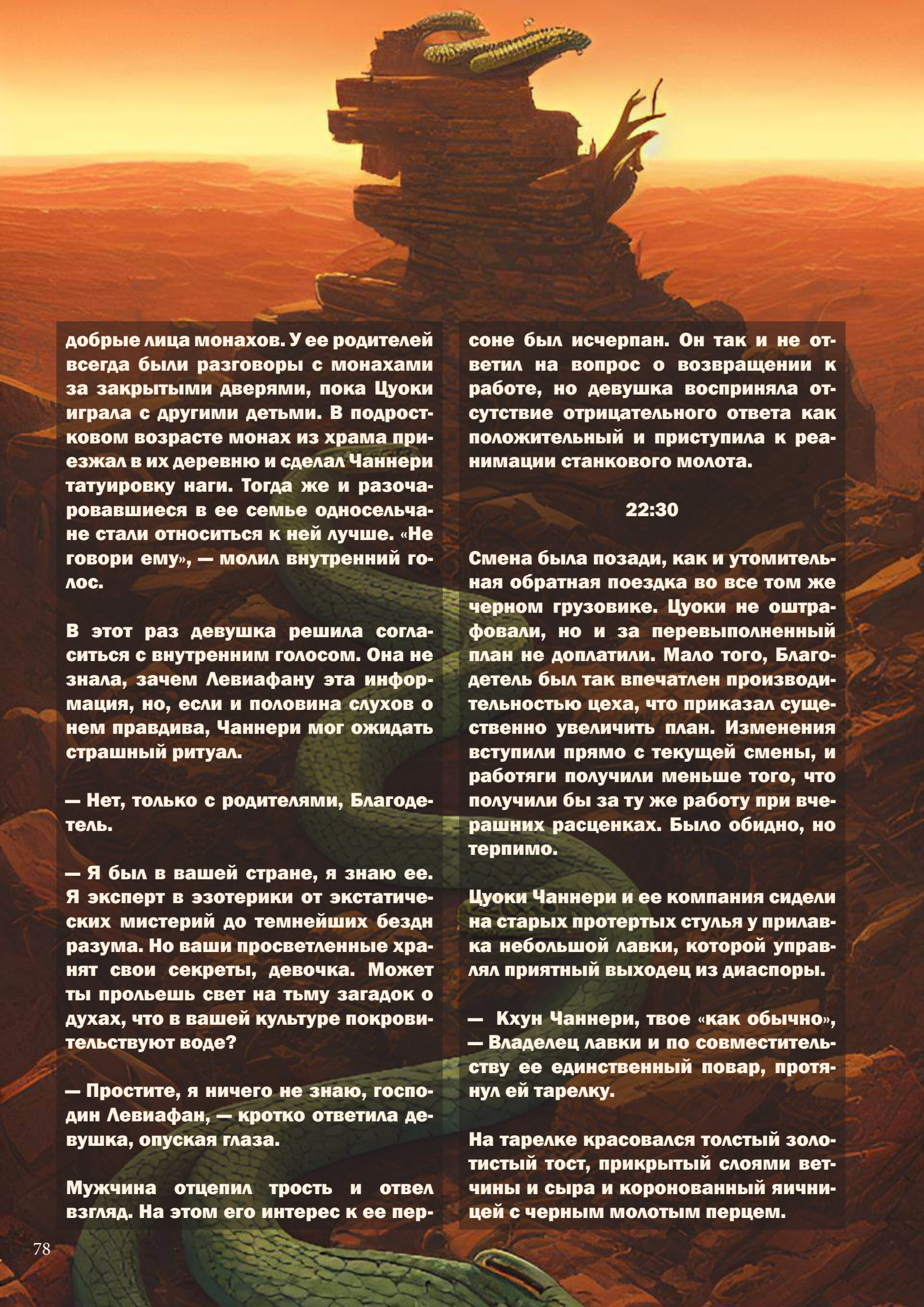
В воздухе сверкнул золотой набалдашник трости Левиафана. На его трости знаком вопроса поднималась золотая фигурка мурены. Она зацепилась за правый бицепс девушки и потянула ее руку вверх. Цуоки невольно подняла глаза. Бледное лицо Левиафана не выказывало эмоций, но правый глаз жадно вцепился в проходившую через руку девушки татуировку наги пугающим взглядом.

— Не каждый нагарджунец удостоивается татуировки наги, кхун Цуоки. Ты жила при храме, девочка? — неожиданно спросил Левиафан.

Когда Чаннери была совсем малышкой, ее водили в Храма Просветления.

Она впервые познакомилась со своим будущим мужем, принцем замка Благородный и

добрые лица монахов. У ее родителей всегда были разговоры с монахами за закрытыми дверями, пока Цуоки играла с другими детьми. В подростковом возрасте монах из храма приезжал в их деревню и сделал Чаннери татуировку наги. Тогда же и разочаровавшиеся в ее семье односельчане стали относиться к ней лучше. «Не говори ему», — молил внутренний голос.

В этот раз девушка решила согласиться с внутренним голосом. Она не знала, зачем Левиафану эта информация, но, если и половина слухов о нем правдива, Чаннери мог ожидать страшный ритуал.

— Нет, только с родителями, Благодаритель.

— Я был в вашей стране, я знаю ее. Я эксперт в эзотерики от экзотических мистерий до темнейших бездн разума. Но ваши просветленные хранят свои секреты, девочка. Может ты прольешь свет на тьму загадок о духах, что в вашей культуре покровительствуют воде?

— Простите, я ничего не знаю, господин Левиафан, — кротко ответила девушка, опуская глаза.

Мужчина отцепил трость и отвел взгляд. На этом его интерес к ее пер-

соне был исчерпан. Он так и не ответил на вопрос о возвращении к работе, но девушка восприняла отсутствие отрицательного ответа как положительный и приступила к реанимации станкового молота.

22:30

Смена была позади, как и утомительная обратная поездка во все том же черном грузовике. Цуоки не оштрафовали, но и за перевыполненный план не доплатили. Мало того, Благодаритель был так впечатлен производительностью цеха, что приказал существенно увеличить план. Изменения вступили прямо с текущей смены, и работники получили меньше того, что получили бы за ту же работу при вчерашних расценках. Было обидно, но терпимо.

Цуоки Чаннери и ее компания сидели на старых протертых стулья у прилавка небольшой лавки, которой управлял приятный выходец из диаспоры.

— Кхун Чаннери, твое «как обычно»,
— Владелец лавки и по совместительству ее единственный повар, протянул ей тарелку.

На тарелке красовался толстый золотистый тост, прикрытый слоями ветчины и сыра и коронованный яичницей с черным молотым перцем.

Чаннери жадно вгрызлась в свой тост. Справа от заливались смехом Тханакорн Тханатип и Сомбунлап Лек. Слева от девушки ел жалкую пародию на том-ям Пумпрасорт Сомчай, а еще левее него прятался Чанчу Питчая. Он снова ел сгущенку, к которой его организм так и не приспособился.

Идиллия, да и только. По крайней мере, так могло бы показаться на первый взгляд. Произошедшее в цеху оставило свой след на душе девушки. Она уехала из среды, раздираемой преступными кланами, чтобы снова оказаться под пятой криминального мира. Конечно, она знала, что диаспоре покровительствует мафия, но

одно дело знать и совсем другое видеть. Слушать истории о чудаковатом Благодетеле, чьи духовные поиски приводили чуть ли не понедельной смене сект и верований, было весело. Чувствовать дамоклов меч изумрудного взгляда Левиафана было страшно. Надо было выбираться из этой среды. Из этой клетки.

Цуоки Чаннери чувствовала, что скоро ее жизнь круто изменится, что жизнь в бараке останется в прошлом и что будут и на ее улице цвести розы.

@POLICYOFTHEPOLIS

«ВЕЧНЫЙ»

Александра Третьякова

Он родился в самую тёмную ночь года, когда всё небо было затянуто тучами, более чёрными, чем самая глубокая тьма, изредка озаряемыми ослепительно-белыми сполохами молний, расчерчивавших его на части. Дурной знак — говорили старейшины. Долго-

жданный наследник — говорил отец.

Он быстро рос, осваивал грамоту и науки под надзором строгих учителей и ничем не отличался от сверстников. Ничем кроме постоянного стремления к тайным знаниям, сокрытым в ветхих книгах на самых дальних полках библиотечных шкафов. Попастъ туда было непросто, но все усилия однажды, спу-

стя долгое время, были вознаграждены.

Тяжёлый пыльный фолиант лёг в руки, будто только этого и ждал много лет. Вязь слов на незнакомом языке рябила перед глазами при прочтении, отдаваясь эхом в ушах, складываясь в какой-то фантастический узор — живой, подвижный, обвивающийся вокруг тугими кольцами — и вдруг в яркой вспышке исчезла, оставив лишь пустые страницы в книге и странное ощущение — во всём теле молодого исследователя. Не придав этому по первости значения, тот вернулся к привычным занятиям, но роковой шаг уже был сделан.

Первые странности обнаружились по прошествии нескольких лет, за которые он ни капли не изменился. На лице не появилось ни морщинки, в волосы не закралась первая седина, уже появляющаяся у сверстников, даже вес оставался неизменным. Зимы сменяли одна другую, старели, пока однажды не умерли, родители, старели и давние друзья, уходя один за другим, но он оставался так же молод и свеж, как в тот злополучный день.

В городе уже давно шептались — что он колдун-чернокнижник, что он продал душу Дьяволу и приносит ему кровавые жертвы, чтобы жить вечно, что он крадёт у других молодость и здоровье... Какие только слухи ни вились среди старых домов, но на то они и были слухами, чтобы не соответствовать действительности. Впрочем, никакого облегчения это не давало. Он был вынужден покинуть родные края и скитаться по свету, не задерживаясь нигде больше,

чем на десяток лет — со временем у людей начинали появляться вопросы.

Он видел расцвет и падение многих империй и государств, прошёл не одну войну, нередко меняя стороны, приобретал и терял богатства, находил и хоронил друзей и любимых, встречался с людьми, творившими историю и попадавшими на страницы учебников, но сам оставался в тени. Со временем ему наскучила такая жизнь. Люди были слишком... Людьми. Одинаковыми. Менялась жизнь, менялись её условия, но люди оставались, как ему казалось, всё теми же — такими как раньше, подозрительными, не способными принять что-то непривычное, отличающееся. Не раз его преследовали, заподозрив в колдовстве и связях с силами тьмы, даже в, казалось бы, просвещённые времена.

Он ушёл от мира, закрывшись в уединённой башне, вдали от больших городов и скопления людей, чтобы наедине с собой обдумать всё прошедшее и дождаться той поры, когда мир достаточно изменится, чтобы не приходилось больше скрываться. Со временем по окрестным землям разнёсся слух о древнем мудреце, живущем в этих местах. Люди начали приходить к нему за советом, но что он мог предложить им? Лишь собственный опыт, собственные воспоминания. Он не показывался им на глаза, лишь передавал записки, выслушав просителя через закрытую дверь или плотную ширму, но они всё равно не начинали сомневаться. Быть может, время уже настало? Надо лишь выйти за порог, чтобы проверить это.

Только выходить уже не хотелось.

«ВЛАСТЬ ИМЁН»

Александра Третьякова

Можете звать меня Ис. Что, не ожидали вот так сразу? Помилуйте, ведь это даже не псевдоним — лишь сокращение от... Назовём это родом деятельности. К тому же мы оба знаем, что это маленькое интервью никогда не выйдет в свет. Не так ли, Аарон? Не стоит так бледнеть, вы прекрасно себе представляли, на что идёте, прося об этом разговоре. Так о чём вы хотели побеседовать?

Вы не хуже меня знаете, как устроен этот мир. Очень интересная система, правда? Два данных при рождении имени, одно из которых истинное, тайное, имеющее полную власть над человеком, а другое официальное, для документов, и неограниченное число псевдонимов в зависимости от жизни и фантазии их обладателя. Вы сами ведь работаете и числитесь в базах данных под именем Эрик, верно? Верно. Продолжим.

Как я уже сказала, истинное имя — это власть. Над волей, жизнью, желаниями... И знали бы вы, как много люди готовы отдать, чтобы эту власть получить! Даже самые простые, что уж говорить о бизнесменах или политиках. Этим подавай имена конкурента, его жены, детей и комнатной собачки в придачу. И я могу им с этим помочь. Разумеется, во все детали я вас посвящать не собираюсь, но скажем так. Для каждого есть свой подход.

Многие вопросы легко решаются деньгами. Можно заплатить сыну, чтобы он выдал тайну отца, подкупить любовницу или домашнюю прислугу, даже того, кто считается лучшим другом. Деньги решают многое, а мне платят достаточ-

но, чтобы так упростить задачу. Могут ли мои клиенты пойти сами тем же путём? Несомненно. Но зачем тратить собственное время, если можно кого-то для этого нанять? В некоторых же случаях требуется более личный контакт. На самом деле завоевать доверие не так сложно, если знать некоторые тонкости. Впрочем, у меня заканчивается свободное время. Ещё вопросы?

Что ж, ожидаемо. Нет, подобного разоблачения я не боюсь. Понимаете ли, мои родители поступили неожиданно мудро, не сообщив мне моё же истинное имя и унеся эту тайну с собой в вечность. В бумагах оно не фиксируется, так что... Непросто рассказать кому-нибудь о том, чего сам не знаешь, не находите? Если бы многие так поступали, работа стала бы гораздо сложнее. Что же до официального... Нужные связи и поддельные документы без труда решают этот вопрос.

На этом закончим. А теперь, дорогой Аарон, вы уничтожите все носители с записью и ни под каким видом не распространите эту информацию никому и никогда. Бояться мне нечего, но и лишняя слава ни к чему. Прощайте.

«ГРАНИЦА»

Александра Третьякова

Григорий Петрович всю свою жизнь посвятил изучению древнегреческой мифологии. Эта страсть нашла его ещё в юном возрасте и определила дальнейшую судьбу, приведя в итоге в науку. Были на этом пути и сложные времена, когда приходилось заниматься совсем другими вещами, чтобы заработать на жизнь, но всё возвращалось на свои места, и на пенсию он ушёл уважаемым исследователем и признанным профессором.

С того момента прошло почти десять лет. Зрение давно уже не позволяло проводить долгие вечера за книгами и научными публикациями, и Григорий Петрович всё больше предавался размышлениям. В последнее время его взгляд всё чаще падал на клумбы под окном, которые создала любимая Машенька — Мария Дмитриевна, его верная супруга, микробиолог по образованию и садовод в душе, из-за него тоже увлёкшаяся мифами. Она ушла тихо прошлой весной, и с того времени овдовевший профессор больше размышлял о том, что может ждать впереди. Куда он попадёт и как будет выглядеть этот мир, если будет вообще? Будет ли там Маша?

В один из таких вечеров Григорий Петрович долго рассматривал старые фотографии, а затем лёг спать. Открыв по ощущениям уже с утра глаза, мужчина увидел перед собой картину, настолько необычную и в то же время знакомую, что на мгновение перехватило дыхание. Где-то впереди, скрываясь в прозрачных клубах тумана, медленно текла широкая река, на чьих волнах покачивалась лодка, а на берегу... На берегу, под низким сероватым небом расстилось поле лютиков, чуть покачивающих ярко-жёлтыми головками от каждого лёгкого дуновения ветра. За этими лютиками, у самой кромки воды стояли две фигуры. Лишь взглянув на них, Григорий Петрович всё понял и поспешил, стирая выступившие слёзы, навстречу высокому седовласому лодочнику, опиравшемуся на весло, и дорогой Машеньке, дождавшейся его в этом месте.

Маленький мальчик каждое лето приезжает в деревню. Маленького мальчика зовут Джимми, но чаще — солнышком, и россыпь ярких веснушек на его щеках вместе с торчащими во все стороны рыжими прядями подтверждает уместность этого прозвища. Джимми знает в этих краях каждый овражек и тропинку, но больше всего любит берег речки и обязательно приходит туда поиграть.

Деревенская речка — прекрасное место. Мелкая у берега и широкая, она тянется далеко-далеко, может быть, даже впадает в море — ведь всем известно, что реки обязательно впадают в море. Солнышко-Джимми считает, что это непременно надо проверить, но сначала — немного подрасти, чтобы мама и бабушка не волновались. Вот ещё годика через два он станет взрослым, построит корабль и уплывёт туда, где кричат чайки и плещутся солёные волны. А маме и бабушке обязательно пришлёт из тех мест самые красивые ракушки и ручного дельфина... Но это потом, а сейчас он ещё маленький и может просто веселиться.

Летний день тих и спокоен. Солнце сияет на синем-синем небе без единого облачка, разогревая воздух и землю. Лёгкий ветерок колышет подсыхающую без дождя траву, ветви окружающих берег клёнов и густой лещины, на которой уже висят небольшие зелёные орешки, поднимает мелкую рябь на воде. Бирюзовые стрекозы носятся туда-сюда, треща прозрачными крылышками, пока белые и бледно-жёлтые бабочки лениво перелетают от одного цветка к другому.

Щурясь от яркого солнца, Джимми вприпрыжку бежит по неглубокому овражку к берегу, сжимая в руках любимую игрушку — маленького робота с двигающимися ручками и антенной на голове. Джимми как раз недавно построил плотик из всяких щепок и решил отправить того в пу-

тешестве. Спустившись к воде, он сажает робота на плотик и опускает на волны. Течение тут же подхватывает его и несёт вперёд, Джимми смеётся и бежит следом по берегу, перепрыгивая через коряги и большие камни. Ему кажется, что робот подмигивает и машет ручкой, зовёт за собой.

Джимми поднимает длинную ветку и тянется ею к плотику, но в этот момент чуть более высокая волна переворачивает его. Робот, как будто бы всплеснув руками, медленно опускается ко дну. Джимми замирает на берегу. Броситься за ним? Нет, робот наверняка справится сам. А потом расскажет, что увидел на дне. Может быть, там где-то прячется огромный сом и стережёт несметные сокровища! Или плавают русалки, или лежит настоящий пиратский корабль... Вот завтра Джимми снова придёт к реке, а робот уже будет ждать его на каком-нибудь камушке, чтобы всё-всё рассказать.

На следующий день Джимми не успевает прийти на берег. Его маме кто-то звонит, они возвращаются обратно в город, в деревню снова приезжают только в самом конце лета, и Джимми уже не вспоминает об утонувшей игрушке. Он гоняется за стрекозами, рвёт едва созревшие орехи и снова мечтает о своём будущем корабле.

С тех пор прошло много лет. Маленького мальчика Джимми больше нет, вместо него — серьёзный взрослый мужчина. Джим Браун, успешный бизнесмен. Ему нет дела до заросших лещиной оврагов и рек, вьющихся над ними стрекоз, скачущих по волнам солнечных бликов и изучения морей. Он занят важными встречами, сделками и продвижением своей фирмы. Но где-то далеко, среди мелких камней на дне той самой реки, всё ещё лежит маленький робот и смотрит в небо пустыми глазами в ожидании, что Джимми скоро найдёт его, и они снова будут играть вместе.

«КОГДА-ТО»

Александра Третьякова

Противный монотонный писк заполнил помещение палаты. Чжу Сяофэн уже не мог его слышать, дрейфуя в бесконечности. Он видел темноту. Он слышал темноту. Он не мог быть уверен, открыты ли его глаза — и есть ли вообще эти глаза? Есть ли он сам?

Прошло ли какое-то время... Было ли время? Существование стало более ощутимым. Его сущность будто сгустилась, вместе с тем истончившись до самой грани осязания. Он чувствовал себя скорлупой, что распадается на сотни и тысячи мельчайших осколков. Он видел эту скорлупу совсем рядом, и она распадалась надвое, непрерывно меняясь. В руке его тяжело покоился топор, расколовший покровы... Мира? И это было правильно.

И он, Чжу Сяофэн, не был Чжу Сяофэном, но был Пан Гу, и небесный свод лежал на его плечах, давил, обманчиво лёгкий и прозрачный, прижимая к земле. И ноги его впились в эту грязную плотную землю, не давая упасть, но давая опору. И сам он рос непрерывно, не давая небесам слиться снова с землёй, отдаляя их друг от друга, пока не утвердился новый порядок мира. Завершившаяся — его — жизнь более не тревожила да и не помнил он уже ничего о ней, весь он был теперь здесь, в этом новом — старом? — мире.

Время вновь текло, медленно, тягуче и вместе с тем незаметно, и он чувствовал, что близок к своему пределу, и мир этот готов был к новым изменениям. Отпуская свод небес, навеки застывший лазурным куполом над землёй, он ощущал, как распадается, как меняется вновь всё его существо. Он видел растущие горы — и сам был ими, видел текущие реки — и чувствовал их стремительный бег, видел плывущие по небу облака — и знали их лёгкость и спокойствие, как самоё себя ощущал каждый кристалл в недрах земли, был солнцем и луной, освещавшими этот мир, и ветром, его овевавшим, каждой звездой в небе и каждым семенем в почве.

Ни Чжу Сяофэна, ни Пан Гу более не было, но он не исчез. Растворяясь в мире, он был ничем и в то же время — всем.

«МЕЧТА»

Александра Третьякова

Море всегда было моей мечтой. Далёкое, солёное и будто живое — я видел его на картинках и во сне, читал о нём в книгах и слушал рассказы других людей. Дома лежало несколько пыльных ракушек и мутных стёклышек — я любил складывать из них узоры, представляя, как они лежат на песчаном дне.

Моя мечта всегда от меня ускользала. Когда бы я ни пытался добраться до моря, что-нибудь обязательно мешало моим планам. Я заболел, отпуск переносили на другие даты, ломался транспорт — чего только ни случалось со мной по воле судьбы. В какой-то момент я смирился. Видимо, море так и хотело остаться лишь прекрасной мечтой, существующей где-то вдали.

Так прошло много лет. Я жил своей жизнью, лишь изредка вспоминая о давней мечте, пока однажды старый друг не пригласил погостить в его новом доме. Собираясь к нему, я даже не вспомнил о том, что он переехал не просто в другую страну. Он переехал на побережье.

Выйдя из машины, я вдруг услышал. Море. Я услышал его раньше, чем смог бы увидеть — тоскливый крик пролетающей в вышине чайки, далёкий рокот прибоя, разбивающегося о камни и шуршащего песком, плеск волн и шелест ветра в прибрежной зелени. Эти звуки были подобные колдовскому пению сирен, заманивающих к себе неосторожных путников. Едва бросив сумки, я устремился на берег.

Бескрайняя синева, украшенная белоснежной пеной заняла всё моё внимание. Вдыхая солёный воздух, пахнувший свежестью и водорослями, я опустился на сырой песок, запуская в него пальцы и не отрывая взгляда от играющих волн, сверкающих под солнцем и добегающих до меня. Море. Я наконец услышал море. Я увидел его, прикоснулся к нему, почувствовал его всей душой.

Мечта сбылась.

ПРОСТИ

Евдокия Дорохина-Рыбчак

*«Ведь ты оставляешь мне самое лучшее,
Не прося взамен ничего...»*

Элли на маковом поле, «Под шерстяным одеялом»

Бар. Душное, погружённое в полумрак помещение, наполненное резким запахом алкоголя, тел и лёгкой приятной музыкой. Шум голосов струится по этому помещению винной рекой. Людей сегодня много — праздник. Практически за каждым столом сидят довольные полупьяные мужчины, отмечающие день отца, недавно официально введённый президентом. Все они — гордые обладатели детей от нуля и до тридцати лет минимум. Для кого-то эта дата стала действительно праздником, а для кого-то — лишь поводом сбежать из дому от сварливой жены, прикрывшись брошенным пафосным «Я отец! Должен отметить!».

Лишь где-то в углу стоит пустующий на первый взгляд стол меж двух красных диванов. Там, едва видный за шторой темноты, словно намеренно избегая мягкого жёлтого света старой лампы накаливания, сидит мужчина. Лысый, толстый мужчина с лёгкой щетиной и округлым лицом — типичный портрет какого-то семьянина. Именно такие обыкновенно стоят у мангала с шашлыками на майские праздники, переворачивая шампуры. Он сидит один, совершенно один, молча устремив взгляд куда-то в стену и удерживая мясистыми пальцами ручку пивной чаши. Даже удивительно, как не видно такого тучного человека за этим столом!

Вдруг образовавшуюся у этого стола тишину нарушают трое человек, пробивающихся через заполненный зал со своими пивными стаканами. Хохочущие, громкие, несмотря на свои солидные тридцать с лишним лет на вид, они пробираются к единственному дивану, где не сидит никто.

— Э! Люди! Сюда! О, во, смарите! Место! Пошлите, сядем! — Первый мужчина в тёмно-зелёной пачканной футболке, активно потрясая головой, пытается тем самым указать приятелям на свободный диванчик, протаранивает со своими двумя кружками к дивану

напротив темноты. Мутный взгляд только сейчас цепляет гранённое стекло точно такой же кружки, наполовину уже опустошённой. — Э... Ты чё, сидишь тут? У-у, мужик, ваще тебя не видно... Ты это, пересел бы... Одностороннюю беседу прерывают двое приятелей мужчины — молодой блондин, единственный в этой компании со всего одной кружкой пива, и седой смуглый старик с серебрищейся на подбородке щетиной, сложенный, признаться, весьма нескладно.

— Ну шо ты, Вить? Где места-то?

— Да это... Тоже занято... Пошлите куда-то... Не знаю... — Витя озирается, пытается высмотреть в заполненном помещении свободный стол.

— Мужики... — Раздаётся хриловатый голос со стороны сидящего толстяка. — Тут садитесь. Садитесь, садитесь... Я уже уйду скоро. Допью вот, и... — Раздутая рука, оторвавшись от стеклянной ручки, взмахивает в сторону выхода. Компания переглядывается. Пожимают плечами.

— Ну, чё, давайте сядем. — Витя приземляется рядом с незнакомцем. Остальные двое садятся напротив. Неловкое молчание здесь не находит себе места — все трое сразу же забывают о мужичке, начав беседовать. Лишь блондин изредка кидает на него любопытные взгляды.

— Слышь, Сашка, а ты уверен, что ты с одной напёешься-то? — Витя кивает на пиво. — В первый разотец-то, ха-ха! Могбы побольше взять.

— Да не... — Молодой человек скромно улыбается. — Мне нельзя... Наташа просила сильно не напиваться. Кроме того, она же беременна... Резко по столу пролетают голосистое «О-о-о!» и громкий гогот. Сидящий рядом с парнем мужчина с силой бьёт того ладонью по лопатке.

— Во Наташка, ты смотри! Уже охомутала му-

жика! — Всё с тем же гоготом комментирует слова молодого отца Витя.

— Но-но-но, ты тут не надо. — Растирая лопатку блондину, старик внезапно становится на его сторону. — Под каблук не встанет — и ладно... Куда ему сейчас-то пить столько? Шо ж предлагаешь, жене дома беременной заранее за ребёнком учиться ухаживать? — И снова хохот.

— Да ладно тебе, пап... — Александр пытается выбраться из грубых ласк отца, не убирая при этом крепкую руку со спины. — Не встану я под каблук, да и пить умею, чего говорите-то, дядь Вить...

— О-о, во, мужик, это уважаю... Выпьем! — Перебивает Витя и, не дожидаясь ответа на предложение, уже тянет кружку чокнуться. Те отвечают. Завязывается беседа... Громкая, шумная, резкая, перебиваемая периодическим «Бармен, повтори, принеси!», летящим через весь зал к барной стойке. Ничего, конечно, не приносят. Бармен — не официант. Через десять минут таких упорных попыток подзыва Витя, выпивший уже две свои кружки, начинает злобно жевать губы...

— Чё они там телятся... Сашка, сходи нам за пивком ещё, будь другом, а! На, вот тебе... Светлое нефiltroванное, помнишь? Тот пересчитывает деньги, отданные дядей, кивает и выходит из-за стола, украдкой вздохнув.

Пока Саша начинает пробираться сквозь толпы полупьяных тел, братья продолжают диалог.

— Ну, а у тебя как с дочкой? — Старший кидает взгляд на Витю, отпивая своё пиво.

— Сколько ей сейчас, кстати? Одиннадцать? Тот кивает.

— Да-а, подросток уж... Ну, ранний... Ранний подросток ж с одиннадцати? — Собеседник фыркает.

— А мне-то по чём знать...

— Ну, а у кого сын появился, когда я ещё мелким был?

— Ну а ты посмотри уж на него... Двадцать пять лет уже, сам отец! — Стекланный край касается верхней губы, оставляя на белой щетине белые пузырьки. — А ты к чему спрашиваешь-то вообще? Есть разве разница, сколько лет ей?

— Ну, а как же... Если подросток, ещё можно понять... Гормоны там, тудым-судым...

— Да что понять-то? Не можешь, что ли, нормально сказать? — Витя вздыхает, уставившись на жёлтого цвета жидкость в кружке.

— Да психует она, капец просто... Заколебала. Вчера, понимаешь, говорит: «Пойду гулять с друзьями!». Ну, я сразу: что за дру-

зья, какие друзья, сколько лет... а она, понимаешь-шь, с мальчиками собралась идти!

— А им шо, сколько лет-то?

— Да по одиннадцать так же...

— Ну так и шо такое?

— Как это — «шо»? Ты рехнулся что ли, Вадь? Это же мальчики, там чёрт его знает, что им в голову взбрёт!

— Да ну? — Вадим хитро прищуривается. — А ты был пацаном — ты кто-то от девчонок удерживал?

— Ну так, то девки, чё они мне сделают... — Фыркает Витя. — Батя-то как говорил? «Витёк, — говорил, — женихот Бога! Неточтостарший...» — Он загоготал. — Помнишь-то, а? Как он тебя? Старик лишь улыбнулся, чуть отведя слегка помрачневший взгляд.

— Да-а, хе-хе, помню.

— Эх, и уродом же ты уродился, ха-ха! — Продолжал Витя. — И в кого ты такой... — Да в мамку, видать, в кого. Ты-то не от неё, вот и получился.

— Да-а, повезло мне, с родителями-то. — Виктор замолчал, задумчиво подвигал челюстью и решил, видимо, вернуться к изначальной

теме разговора. — А пацаны-то здоровые явно такие ещё...

— Да куда там здоровые... — Хмыкает его брат, отмахиваясь. Он, видимо, быстро оставил грубые шутки брата, не решившись ругаться из-за чепухи. — Одиннадцать лет, лилипуты худощавые... Ты же видел, все щас в телефонах этих своих сидят, щупленькие, как хрен пойми кто... впрочем, твоё дело, твой ребёнок. А ты ей сказал, почему нельзя? Шо она сказала?

— Да как я ей объясню? Конечно, не сказал! Что мне ей сказать? Она же ничего ещё об этом не знает...

— Во как... Ревела?

— Она? Да, конечно, ревела. «Почему не хочешь отпускать, что тебе не нравится».... Тьфу! В конце концов так пререкаться начала, наказать пришлось. Так она в голос заревела и в комнату ушла... Дети! — Он вздыхает. — Новое поколение совсем уж оборзело... Одиннадцать лет — и уже перечит!

Вадим умолкает на несколько секунд, сверля брата угрюмым взглядом. Наконец, подобрав слова, мягко спрашивает: — Ну, а ты шо, не перечил штоль?

— Да куда там! Я если слово матери поперёк вякал — такого ремня отхватывал, там потом ещё горело всё... Будто ты не знаешь!

— Да уж... Помню, отец, вот когда тебя ещё не было, прут сорвёт, на колени меня к себе положит — и хле-ещет... — Вадим хмыкает, грустновато улыбнувшись. — Я был как шёлковый!

— Во-от, видишь! — Витя откидывается на спинку дивана. — А щас что... Подзатыльник дать нельзя — рыдают, жаловаться бегут... Чуть прикрикнешь — слёзы, огрызаются... Их бы к нашим родителям — во было бы хорошо! Ходили бы ласковые, послушные...

— Твари вы, мужики. Эта фраза звучит резко, обрушиваясь на сидящих за столом ударом топора. Братья замирают на несколько секунд, а после медленно обращают изумлённые взгляды на сидящего толстяка.

— Чё? — Отрывисто спрашивает Виктор.

— Чё-чё... Твари, говорю... — Тот вздыхает, склонившись вперёд. Блестящая лысиной голова показывается, наконец, в тусклом жёлтом свете. Виктор кривит лицо, строя недовольную мину.

— Мужик, ты давай, не задирайся, а? Мы тя не трогаем... Не делаем тебе ничего... Чё ты, поругаться хочешь?

— Ой, да больно мне надо с вами ругаться... Но то, что твари вы, то факт.

— И с чего бы, позволь спросить? — Фыркает Витя.

— Ну, а что вы думаете... Детям прям это нравится? — Маленькие острые глазки скашиваются в сторону вопрошающего. — Ну, вот то, что вы их до слёз доводите... Забираете что-то... Бить, вон, хотите...

— Ха, во ты чудной! Они ж глупые, по-другому не понимают!

— Да... Я тоже так раньше думал... — Мужчина медленно кивает головой, задумчиво уперев взгляд в стенку и помрачнев. Возвращается Александр с двумя кружками пива.

— Дядь Вить... Ваше... — Он садится за стол, со стуком оставляя посуду перед родствен-

ником. Ясные голубые глаза слегка удивлённо смотрят на подавшегося вперёд толстяка.

Тем временем, тот начинает своё рассуждение. Неизвестно, почему он решил открыться этим троим — может, алкоголь, пусть и некрепкий, развязал ему язык, а может он впервые почувствовал, что его кто-то слушает...

— Вот ты говоришь — «они глупые», да? А само в детстве разве глупым был и не понимал ничего? Сомневаюсь, что так было. Наоборот, думаю, ты много чего понимал... Просто тебя не слушали, да и всё. Взрослые — мы ж вообще не хотим детей слушать, да? Вот сначала кажется, зачем, зачем... А дитё тебе что, животное разве какое? Вот, такой же человек, как и ты... Вот ты говоришь, что ремнём тебя отхаживали — а разве ж тебе то нравилось? Не думаю я, что удовольствие ты от этого получал... Вот, загнали тебя страхом, и тебя тоже. И сидите вы вдвоём теперь, с вбитой в голову информацией о том, что, вот, глупые в детстве были, не понимали ничё... А это же не так. Вернее, может быть, и так, вот только знания все вам и вдалбливали битьём — а разве ж то правильно? Вот если я на тебя щас без причины кинусь, понравится тебе это? Нет, не понравится... Мы ж между собой объясняемся, не звери какие... А дети что, объяснения, думаешь, не поймут? Он вздыхает, тяжело откидывается на спинку дивана. В висящей тишине, которую не решается прервать даже такой громкий человек, как Витя, шуршит пачка сигарет и чиркает зажигалка.

— Пойму-ут... Дети всё понимают... Дети не дураки — дураки те, кто их всерьёз не воспринимает. Родительство — оно ведь потому и сложно, что ты личность растишь... Должен желания его учитывать, договариваться, говорить... Дети ведь мелкие... Много понимают, да на уступки идти не хотят зачастую... Хочу — и всё, да? Конечно. А ты разве не хочешь делать то, что ты хочешь, а? Вот если я тебе запрещаю что-то, или закон тот же, ты ведь будешь с недовольной рожей сидеть — «почемууу мне это запретили»... Родительство легко только для тех, кто дитём своим не интересуется — запомни! Разговаривать с ними надо, объяснять всё... Они ж только начинают жизнь жить — а ты уже всё, своё отжил...

Виктор и остальные слушают мужчину, удивлённо хлопая глазами. Несомненно, слова того звучат правильно... Поэтому и Виктор недовольно косится.

— И чего тебя вдруг прорвало... — Бурчит он, уставив взгляд на пивную кружку.

— А того и прорвало... — Тут вдруг толстяк мрачнеет, отводит взгляд и говорит тихо-тихо. — Дочь я из-за такого же поведения потерял.

Новая волна тишины укрывает стол. Вадим нервно прочищает горло, не находя, что сказать. Александр шокировано вскидывает брови. Витя, услышав сказанное, отводит взгляд от толстяка и неловко упирает его куда-то в пол, не решаясь поднять на горящего отца.

— А бить детей и держать их в страхе только садисты хотят. — Вдруг возвращается к теме своего монолога мужчина. — Садисты, и никто больше. Вдруг он фыркает, тяжело пыхтя, поднимается из-за стола, тушит сигарету в общей пепельнице и, оставив чашку с недопитым пивом на доньшке, шатаясь, направляется к выходу.

— Эй... Эй, мужик! — Виктор хочет подорваться, но Вадим удерживает брата за руку.

— Не нужно, Вить... Видишь же — хреново человеку... Пусть пойдёт, проплачется-проспится, да и, глядишь, лучше станет. Ну, что ты ему сделаешь? Все трое в полной тишине провожают уходящего взглядами. Но вот только тот уже не видит их. И взгляды не видит... Ничего не видит.

Выйдя из бара, мужчина попадает под дождь и задумчиво идёт к себе домой. Прочитанная лекция не принесла облегчения — да и мужчина понимает, что вряд ли переубедил своих собеседников. Он идёт, наступая в лужи и мелкие ручейки, полностью промокая под свежими струями небесного душа. Ему всё равно, он будто и не видит, куда идёт. Задумчиво он покусывает губы, смотря в пустоту.

Домой он приходит уже полностью промок-

ший. Двухэтажное, когда-то ещё кишачее жизнью здание неприветливо скрипит половицами под толстыми ногами, пока мужчина переобувается. Свет он не включает — ему это не нужно. Переобувается так, в темноте, и проходит внутрь, чтобы помыть руки с улицы. В тишине перекачиваются по грязному полу комки пыли, как перекасти-поле по пустыне. Один из них толстяк замечает, включив свет в ванной. Тот сразу же, будто увидев его взгляд, скрылся от электрической лампы.

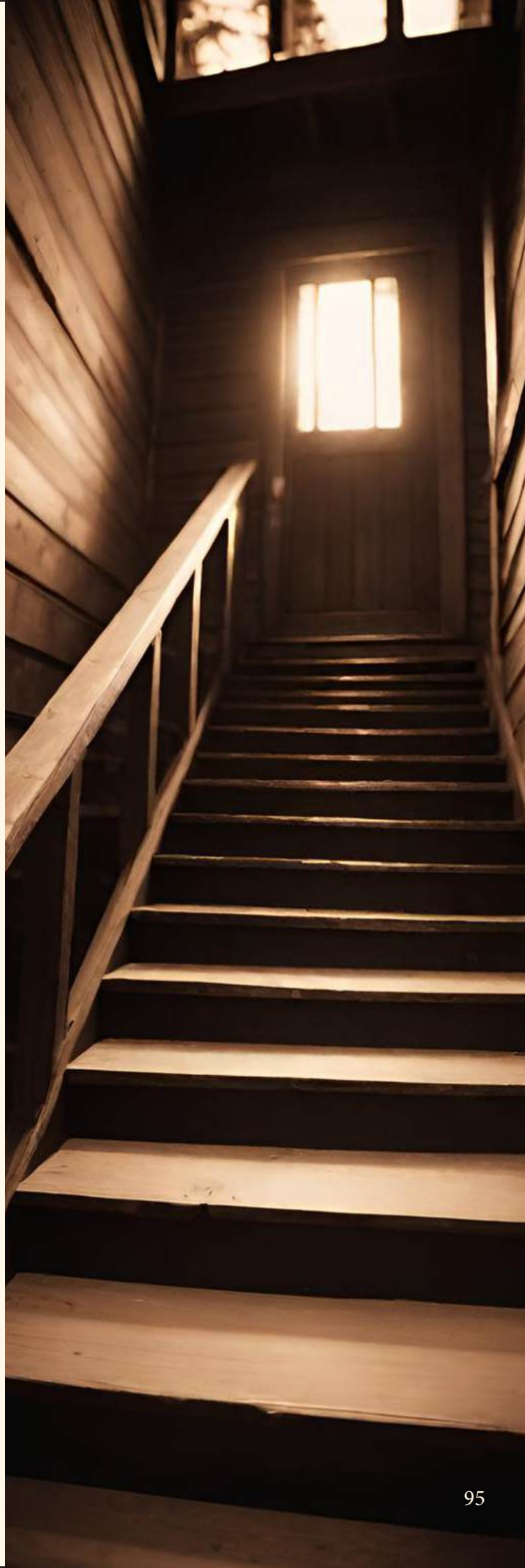
А может, то был таракан? — Давно не убирался... — Думает мужчина, подставляя пальцы-сосиски под журчащий ручеёк проточной воды. — А пора бы...

Уже поздно, и ему пора спать. Не хочется пить, не хочется есть... Он выходит из ванной и, проходя мимо лестницы, ведущей на второй этаж, приостанавливается. Долго, задумчиво смотрит туда, вверх, в темноту. Этот этаж уже давно никак не используется...

Год. Со смерти его дочери прошёл уже год, а он всё так и не смирился с утратой. Год он привыкал к жизни в одиночку. Сначала, в первые пару недель, всё никак не мог принять — по привычке заходил в комнату умершей утром, чтобы разбудить, и сталкивался со звенящей пустотой помещения. Долго так стоял, приоткрыв дверь, и всё будто никак не мог понять, что же случилось, почему её нет.

После он стал пытаться избавиться от той привычки. Сначала останавливал себя уже где-то на верхних ступенях, с горечью напоминая себе, что никого там нет, и идти туда незачем, потом уже — на полпути... А потом и вовсе перестал подходить к лестнице.

Но сейчас будто что-то щёлкнуло в его голове... Мужчина, ухватившись за перила, начинает тяжело подниматься туда вновь. Шаг за шагом, приближается он к комнате погибшей, и каждый шаг словно тяжелее другого. Вот и та самая дверь. Он в нерешительности останавливается перед ней. Костяшки пальцев приподнимаются, желая коснуться дерева, но тут же отдёргиваются — ему незачем стучать. Там никого нет. Вздохнув, он наконец открывает дверь.

Его взору предстаёт та самая комната... Пыльная, может, даже с паутиной по углам, тёмная... и совсем нетронутая. Широкая дубовая кровать, синтезатор, рабочий стол... Всё, как тогда. А вот и косметичка. Его дочери было шестнадцать тогда... Мужчина тихо прошёл в комнату и сел на кровать. Та испуганно закричала — за год никто ещё не нарушал покой этого места. Маленькие глазки раз за разом бегали по помещению, задевая шкаф, музыкальный инструмент, сумку, компьютерный стол... «А она ведь столько делала... Стольким занималась».

Голова под гнётом вины скрывается в ладонях. «Если бы не я, ты бы многого достигла, Надь...» Дочка всегда была жизнерадостной. Пусть девушка и росла без матери, она была исключительно приятным и добрым человеком. Увлекалась игрой на синтезаторе, учёбой в колледже... Даже тем, что та называла “косплеем”. Сама делала костюмы, красилась. Отец никогда её не поддерживал — всегда дочка слышала только то, что она ерундой занимается.

— Ну вот зачем тебе вся эта хрень, Надь? Ну что ты, ребёнок какой? — Всегда говорил он, обречённо наблюдая за красящейся дочерью. А ярко-рыжая копна волос всё скрывалась под цветными париками... Не слушала. Совсем она отца не слушала.

А всё потому, что сама себе всё это покупала. Работала и покупала. А в один день приехала — отец пьяный, парики и костюмы пропали... Она сразу поняла, что случилось. Тогда прошло 13 лет с того момента, как от отца ушла мать. Девушка спустилась вниз, к отцу... Пьяный мужчина тогда уже развалился на диване.

— Пап, ты зачем это сделал?

— М... А... Вернулась... опять по своим работам шлялась? — Тело встряхнулось рыхлыми складками от икания. — А я вот... Жизнь твою очистил... В мать она пошла, актриса... — Да ты задолбал! Ты... Ты... Ты знаешь, как долго я на это копила? Как ты мог?!

А он смотрел в озлобленное конопатое лицо и не понимал... Ничего не понимал. Он много чего понял слишком поздно.

— Слушай, я понимаю, что тебе сложно, но я больше не намерена это терпеть. Сначала долги нотации, потом ругань, теперь ты вообще вещи мои трогаешь... Тринадцать! Тринадцать лет прошло! Как ты можешь ещё горевать о ней? Ты ведёшь себя, как подросток! Зачем ты это сделал?! Это была моя жизнь! Я всё туда вложила! — Девушка уже сорвалась на рыдания.

— Ой-ой-ой, подумаешь, жизнь... Я тебе... Ик... Я тебе всё сделал! Всюду обеспечил! Единственное — деньги на эту мухру не давал... Ик! Чтобы не была, как эта... С-сволочь! Ик! А ты..! Ты! Такая же ш... Такая же, как она, в общем... Он помнит, как яростно сверкнули чёрные глаза, и помнит грохот входной двери. Помнит, как не пошёл за ней, потому что решил, что ничего страшного — переберется и придёт. Помнит даже, как ворчал что-то о том, что пора бы запретить Наде общаться с матерью... И до сих пор помнит то утро, когда ему позвонили из полиции и сообщили, что его дочь сбила машина совсем рядом с домом мамы.

Толстые пальцы ложатся на пыльную постель и проводят по ней. Тёмно-зелёное одеяло смещается, поддаваясь. Образовывается складка. Надя не любила складки. Всегда у неё постель аккуратная была. Мужчина вздыхает. Вот опять он пришёл и всё испортил. Но лучше уж не трогать больше, чтобы не сделать хуже. Он встаёт с дивана и тихо направляется к выходу из комнаты. Уже в проходе отец оборачивается, и слышится последняя, горестно им брошенная, фраза:

— Прости, что не протрезвел раньше.

«ПЕЩЕРА ВРЕМЕНИ»

пролог

Арамис Алимов

Место действия: Египет, остров Абу

Время действия: неизвестно

В те дни, когда ещё не существовало легенд о Вавилонской башне, о пересечении Красного моря Моисеем и о победе Давида над Голиафом, посреди славной реки Нил, что в Древнем Египте, возвышался остров, ныне зовущийся Гезирет-Асуан. Древние греки называли его Элефантина, а тогда он именовался Абу, что в переводе с древнеегипетского означает слоновая кость. На острове находился одноимённый город, столица нома Та-Сети. В то далёкое время Абу служил крепостью и товарным складом, активно шла торговля через Нил, а поселение служило форпостом для контроля южной границы. Наше повествование переносится в

тот момент, когда Элефантину решил посетить владыка всего Нижнего и Верхнего объединённого Египта, фараон, имя которого, к сожалению, не сохранилось в анналах истории. Подходило к концу его затянувшееся путешествие, и повелителю оставалось только проверить, хорошо ли защищена крепость от набегов врагов с юга, а заодно принести жертвы богу Хнуму в храме острова, чтобы с чистым сердцем отправиться в обратный путь. Шесть папирусных лодок подплывало к берегу. На палубе первой из них стоял фараон. Вид его был величественным и неподражаемым.

Пронзительные глаза, горевшие как два непотухших огонька и сражавшие наповал, чётко выраженная линия морщин на покатом лбу, нос с выразительной горбинкой, выдававшие скулы с накладной бородой, заплетённой в косички и украшенной золотой змейкой, – всё выдавало в нём божественную личность, перед которой любой враг не устоит, если посягнёт на могущество повелителя. Одежда фараона, несмотря на простоту, (всё-таки это было время, когда только образовывались первые государства, и ткани ещё не изобиловали разнообразием) только подчёркивала сказанное выше. На бёдра была надета льняная повязка белого цвета – схенти, украшенная поясом, на голове корона, символизирующая господство над своими подданными. Стоит упомянуть и о многочисленных драгоценных кольцах, бусах и браслетах. Из-за древности довольно сложно будет описать всё более детально, наверняка на каком-то несо-

хранившемся манускрипте подробнее воссоздан образ безымянного фараона. Автор надеется, что когда-нибудь подобный артефакт удастся отыскать.

На пристани наместник крепости с почестями встретил владыку и его многочисленный кортеж. В те дни страна процветала, и даже рабы были счастливы узреть прибытие своего главного угнетателя. Вокруг гранитных скал острова, словно чуя везде счастье, летали птицы, пальмы издавали радостный шелест, и вряд ли в последующей истории Египта можно будет суметь найти время, где внешние притеснители посрамлены и повержены, а внутренние и не думали восставать.

Чёрная земля Нила, раскинувшаяся по всей линии побережья, и не подвластная мёртвым пескам Сахары, отвечала радостью. Знать Элефантины во главе с намест-

ником поклонилась ниц своему повелителю. Жестом фараон приказал всем подняться, а наместнику подойти. Опытному обывателю бы стало заметно, что наместник вёл дела крепости недавно – как велико было его волнение, безуспешно скрытое под невозмутимым видом. Ведь предстояла всеобщая проверка форпоста на боеготовность, и хотя набег уже долгое время не преследовали жителей Абу, в случае невыполнения поставленных перед наместником приказов его ждала страшная кара. Боязнь навлечь на себя гнев, пусть и за малейшую провинность, сказывалась на его лице. Струйки пота текли по лицу. Дрожащие руки с трудом передавали владыке местные дары. Несмотря на приказ всем подняться, он опустился на колени.

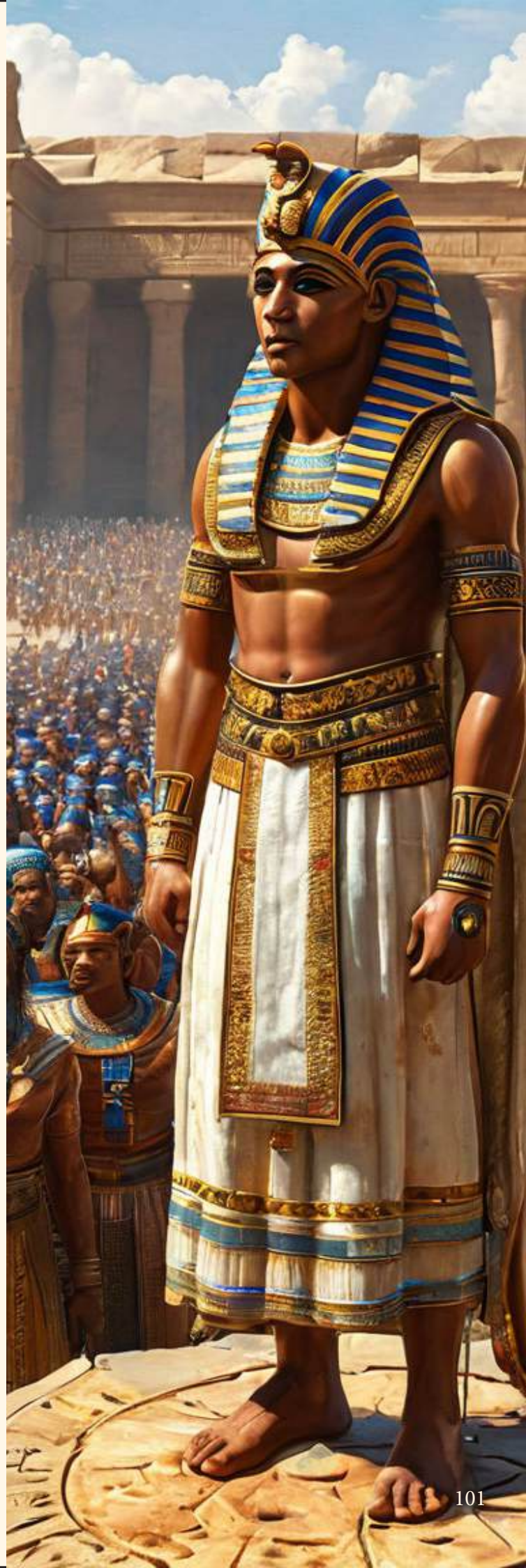
Фараон заметил, как переживает его ставленник, усмехнулся, протянул руку и сказал: – Уважаемый наместник, не подобает господину, имеющему высокий сан в обществе, вести себя как самому последнему рабу. Встань и воздай благодарность повелителю, ведь он одарил всех процветанием и счастьем. Если я увижу, что ты справился с поставленными пред тобой задачами, я одарю тебя золотом и сделаю своим главным сановником, а если нет, тебя ждут пытки и казнь через лишение сна. Кортёж фараона и знать Абу насторожились. Все знали, насколько это жуткая казнь, применявшаяся крайне редко. Человек, лишённый сна при помощи различных шумов, действующих на психику, постепенно сходил с ума и умирал. Ставленник Элефантины осмелел. Вытерев пот с лица и не поднимая глаз, он обратился к фараону: – Владыка Верхнего и Нижне-

го Египта, о великий фараон...! Да будет он жив, невредим и здоров! Все присутствующие на пристани вторили словам сановника. – И пусть он примет от нас величайшие дары чёрной земли Нила, символизирующие наше процветание и счастье!

Фараон олицетворял собой божество. Это тешило его гордость, ему было не впервой получать различные подарки. От некоторых экзотических приношений он приходил в неописуемый восторг. Фараон улыбнулся, увидев превосходство местных плодов в красоте и качестве над другими плодами, возвращенными в необъятной стране.

Повелитель поднял руку вверх и обратился к присутствующим на пристани с такими словами: – Сегодня вечером каждый житель Абу и окрестных селений, независимо от сословия и сана, должен явиться к храму Хнума, владыки нильских покровов, и благодарить его за прекрасный урожай! Пусть жрецы принесут в жертву лучших быков острова! Слава триаде! Слава Хнуму, Сатис и Анукис! – Слава! – Вторили фараону все. – После жертвоприношений я объявляю пир! Лучшие повара должны приготовить самые вкусные яства и кушанья! Надеюсь, что я останусь доволен проделанной в крепости работой, и тогда обещаю – на пиру я озолочу отличившихся!

После этих слов свита владыки, состоявшая из многочисленных слуг, и гарем повелителя из пятидесяти женщин, шедший поодаль, двинулись в путь по направлению к предоставленным апартаментам, заранее подготовленным к приезду фараона. Знать Элефантины пошла следом.

На обочинах дороги во время шествия свиты фараона стояло множество зевак. На землю сыпались лепестки различных цветов, повсюду царил торжественный шум. Музыканты Абу, приставленные к кортежу повелителя, играли на флейтах и настукивали ритм.

Протяжённость острова небольшая, всего чуть более километра, и поэтому к месту временных апартаментов фараона его свита и гарем прибыли быстро. Гарему было отведено отдельное жилище, впрочем, фараону не было особенно важно, где поселятся его жёны и наложницы. Долгое время он страдал от потери дорогой себе женщины, заколотой странствующими кочевниками ещё в бытность войны. Отмщение за пролитую кровь любимой жены не заставило себя долго ждать, и благодаря этому – ни с юга, ни с востока уже более десяти лет не существовало никакой опасности.

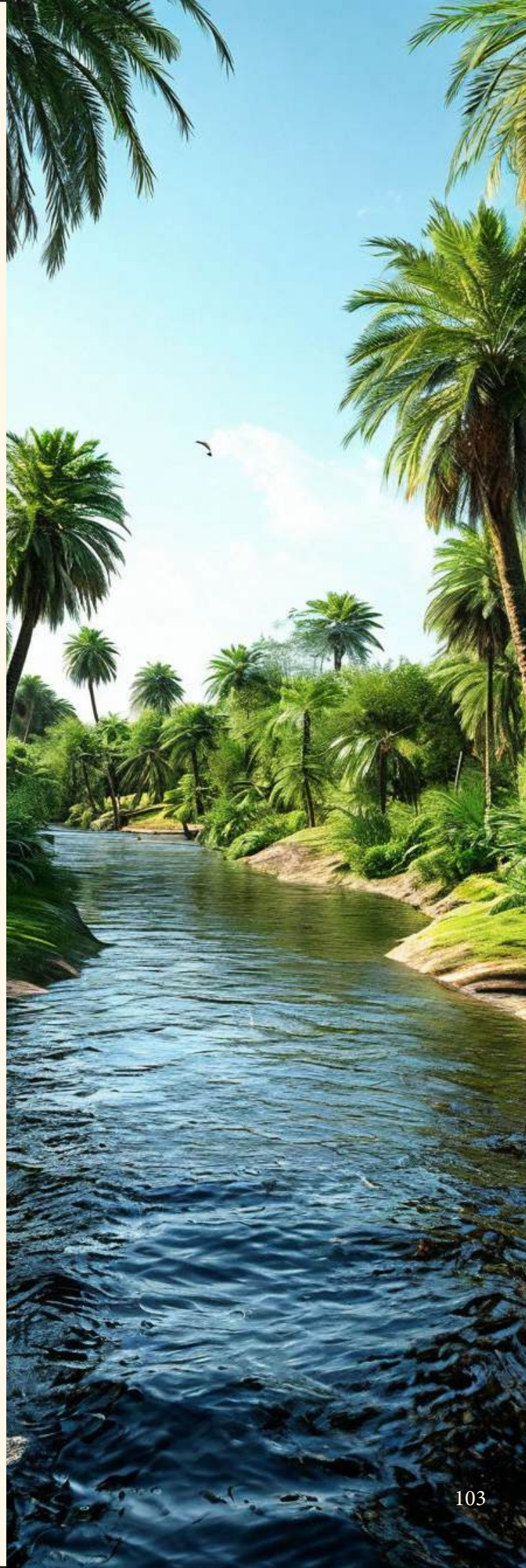
Удивительная ведь ирония судьбы – смерть жены фараона принесла мир и процветание в страну финиковых пальм и зыбучих песков Сахары. Не будем подробно описывать внешний вид дома, где остановился фараон, а лучше перенесёмся на пару часов вперёд и на несколько сот метров к югу, где в незапамятные времена стоял храм Хнума, бога нильских порогов....

Всё население Элефантины собралось перед храмом. Жрецы закололи быков и гусей, повсюду стоял запах свежего мяса и местных благовоний. Все расступились, когда к месту поклонения подошла процессия во главе с фараоном. За пару часов перед тем, как воздать почести богам, фараон сумел осмотреть укрепления Абу вдоль и поперёк. Владыка остался доволен, как выполняют

его распоряжения. Обещания, данные ранее на пристани, были исполнены – повелитель назначил наместника крепости своим главным сановником, или визирем. Вакантное место обзавелось избранником. Боязнь и дрожь напрочь исчезли с лица ставленника, теперь он сам мог заставить преклонить перед ним колени. Был осчастливлен и член знати Элефантины, призванный на опустевшую должность главы крепости.

В вечер поклонения Хнуму и последовавшего за ним пира, было озолочено немало людей, чьи заслуги оценил фараон. Уже ближе к полуночи, словно по приказу свыше, разверзлись небеса, и полил дождь, послуживший хорошим знаком для всех, ввиду его редкости в тех засушливых местах. Вскоре празднество закончилось, и люд разошёлся по домам. Редкий был вечер, когда никто не был заколот за провинность. Даже рабы, не имевшие возможности пировать со знатью, были счастливы и сыты.

Прошло три дня, фараон собрался в обратный путь – на север, в столицу страны по великому Нилу. В то утро повелитель, окончив утренний туалет и попрощавшись с уже бывшим жилищем, во главе значительной по количеству свиты, направился по дороге в пристань. В отличие от прошлых дней, что-то недоброе чувствовалось в окружающих остров скалах, птицы на этот раз пели жуткие песни, а финиковые пальмы издавали немыслимый загробный шелест. И вроде сияло солнце, но даже оно веяло непонятным желчным теплом. Фараон почувствовал это, и не зря. Сложно назвать истинную причину, почему природа вдруг тогда, ни с того ни с сего, всполошилась. Ощущение того, что по-

всюду ветер злой или деревья плачут, часто бывает субъективным. Фактом является лишь то, что произошло после.

Когда процессия с фараоном уже подступала к пристани, вдали, посреди скал, показался таинственный силуэт. Одежды незнакомца развевались на ветру, и он стремительно приближался навстречу кортежу, спускаясь всё ниже и ниже. Зеваки на краях дороги не смели даже поднять голову на проезжавшего мимо повелителя. Все лежали на коленях. Силуэт же, спустившись, и не думал падать ниц. Его смелость и какая-то метафизическая харизма возымели своё действие не только на слуг фараона, но и на самого повелителя.

Все, кто находился тогда на дороге к пристани, почувствовали себя как замороженные, а стражники владыки и не задумались над тем, чтобы остановить неизвестного путника. Загадочный странник подошёл вплотную к двигавшейся процессии – она остановилась. Теперь у фараона появилась возможность разглядеть получше, что из себя представлял подошедший субъект. Одежды почти полностью покрывали

тело путника, на голову был надет тюрбан ярко красного цвета, лицо же скрывалось под белой повязкой. Видны были только глаза, горевшие красным сиянием и сливавшиеся с цветом тюрбана.

На плечах у незнакомца была кожаная сумка, из которой торчал свёрток папируса. Фараон пристально впился глазами в его сторону. Их взгляды встретились. Внутри повелителя заиграло подлинное уважение к отсутствию страха у человека в тюрбане. Воцарилось гробовое молчание, и никто не смел его нарушать. Между тем, странник вытащил папирус из сумки и мужественно протянул его фараону.

Повелитель взял его и заметил, что на папирусе нарисованы иероглифы, вполне понятные владыке, чтобы он мог их разгадать и прочесть. Приказав слугам стоять чуть поодаль, фараон принялся изучать написанное. Незнакомец же смотрел на него своими чудовищными глазами, и повелитель, в глубине души, впервые, наверное, за всю свою жизнь, почувствовал истинный животный страх.

Но гораздо больший ужас нарисовался на лице фараона, когда он ознакомился с папирусным документом. Глаза, прежде наводившие трепет на окружающих, теперь бегали из стороны в сторону, руки вдруг стали дрожать, а пот капать по лицу – как тремя днями ранее у ставленника крепости. Папирус выпал из рук фараона, и он лишился чувств.

Человек в тюрбане, не обращая никакого внимания на происходящее, подобрал свиток, засунул его обратно в кожаную сумку и двинулся в обратный путь. Никто не смел его задерживать, и вскоре развевавшийся по ветру силуэт исчез за скалами острова, оставив после себя образовавшуюся суматоху вокруг лежавшего без чувств фараона. Повелитель пришёл в себя, когда папирусная лодка направилась в путь. Все жители Абу, встревоженные не на шутку, обещали воздать молитвы богам за здоровье фараона.

На рисунках скал острова теперь навсегда сохранится вышеупомянутый эпизод с таинственным человеком в красном тюрбане. Для многих обывателей тот силуэт в скалах символизировал

начало тёмных времён. Ни до, ни после, никто больше не встретит загадочного незнакомца в тех краях. Он, как и появился из ниоткуда, так и ушёл в никуда....

К вечеру первого за много лет недоброго дня, окрепший после забытья фараон поднялся на палубу. Солнце уже ушло за горизонт, на небе нарисовались точки звёзд, и выглянула полная Луна. Лодки шли на север, по течению, и поэтому ветер бил в спину владыке. Он вглядывался в даль реки. Никто не смел ему мешать; рабы возились с полотняным парусом, зная же мирно спала во всех шести лодках. Впервые за долгие годы после смерти любимой жены, фараон казался мрачным и несчастным. Властитель Египта долго горевал, ведь жена не успела родить ему первенца.

После её гибели он стал бесплоден, многочисленные жертвоприношения богам, чтобы излечиться от недуга, не приносили желаемого результата. Вряд ли он хотел выздороветь, так как не чувствовал привязанности к жёнам и наложницам своего гарема. Беспечность существования посреди активно

развивавшейся страны и вовсе вывела из головы фараона мысли о будущем преемнике. Напрасно жрецы и чиновники напоминали ему об этом. После нескольких казней рты замолкли.

Если какой-нибудь человек, хорошо знавший фараона, но не осведомлённый об утреннем инциденте на дороге в пристань, решился бы взглянуть в тот лунный вечер на лицо своего повелителя, то подумал бы, что мысли фараона вновь вернулись в то тёмное прошлое, когда странствующие кочевники изрезали на куски его дорогую жену. В реальности же всё обстояло иначе. Глядя на ночное небо и на полную Луну, его размышления всё чаще возвращались к таинственному силуэту в скалах острова и к тем загадочным иероглифам, запечатлённым на папирусном свёртке. Что же в них такого страшного было, если фараон – личность твёрдая и мужественная – ужаснулся и лишился чувств?

Об этом знал только он один. Однозначно можно сказать, что рисунки на папирусе обозначали нечто очень важное и судьбоносное. Внезапно фараон как-то дьявольски и противоречиво улыбнулся. Складывалось ощущение, что он чего-то ожидал. И действительно, разглядывая ночное небо, повелитель заметил, как с высоты, прямо навстречу к его лодке опустился луч ярко-оранжевого цвета. Казалось, что это какое-то знамение с небес. Луч непонятным ядовитым сиянием осветил лицо фараона и всю палубу папирусной лодки. Причём другие лодки, плывшие позади, оставались в тени. Что-то необычайно зловещее проскальзывало в сиянии с небес.

Рабы поспешили разбудить спавших господ и оповестить об этом недобром предзнаменовании. Спустя примерно час луч рассеялся. Удивившись такому странному явлению природы, члены делегации фараона долго не могли уснуть. Фараон же абсолютно не поразился тому, что случилось, только продолжал улыбаться, глядя вперед и не думая о предстоявшем сне.

Рабы, бывшие в ту ночь на палубе первой лодки, ещё долго видели стоявшую впереди фигуру повелителя, и как-то совсем не заметили в полудрёме, что под утро фараон ушёл с палубы... Процессия из шести лодок проплыла к рассвету довольно небольшое расстояние. Предстояла сложная церемония утреннего туалета фараона. Бывший наместник Элефантины, недавно назначенный визирем, вместе с цирюльником, главными жёнами гарема и другими слугами поспешил в покои. Но, зайдя туда, все вдруг внезапно обнаружили, что их

владыка куда-то исчез. Пропали также его личные вещи и золото. Затрубили тревогу. Личная охрана повелителя начала прочёсывать шесть лодок кортежа вдоль и поперёк. Потом поиски продолжились в воде. Появилось подозрение: не съели ли фараона крокодилы?

В реке ничего не нашли – ни браслета, ни кольца, ни даже отрубленной руки. Фараон исчез бесследно. Потом подумали про намеренное убийство. Но, пересчитав людей и не найдя доказательств, версия убийства также была ими отвергнута. На всех папирусных лодках началась паника. Многим египтянам стало ясно, что человек в красном тюрбане и ярко-оранжевое знамение с неба появились не просто так. Для всех людей, плывших в те часы по Нилу к северу, бесследное исчезновение фараона означало только одно – процветанию и счастьем в великой стране пришёл конец.

Не оставив после себя наследника, фараон обрекал Египет на ещё более страшные дни, чем ранее, полные кровопролитных войн и внутренних междоусобиц. Кем же был тот судьбоносный странник с кожаной сумкой? Что было написано на папирусном свёртке? Случайно ли ночное явление с неба? Об этом не знал никто, кроме пропавшего фараона.

Порой явления, происходящие в мире, настолько необъяснимы, что приходится долго размышлять и выискивать логические цепи. Автор, роясь в ворохе пещерных манускриптов, пока не собрал замкнутый круг. Известно только, что спустя много лет, в тысячах километрах к северу от места рассказанных событий, за альпийскими лугами, обнаружили следы, на первый взгляд, ничем

не примечательной ледяной пещеры, коих в Альпах достаточное количество. Особенность указанного подземелья заключалась в том, что у довольно широкого входа – десяти метров высотой и пяти шириной, – находилась гранитная надгробная стела. Тот, кто разбирается в древнеегипетском письме смог бы прочесть на ней выгравированные иероглифы и понять значение рисунков.

Нам же стало известно толкование написанных слов. Это была эпитафия тому самому фараону, пропавшему много сотен лет назад. Дословно она звучала так: «В этой пещере покоятся священные останки владыки Верхнего и Нижнего Египта, фараона... Рядом с ним зарыты его сокровища. Ни один смертный не имеет сюда доступ. Тому, кто осмелится сюда войти, будет наслано вечное проклятье...».

Продолжение следует...

